
ОГОНЁК
№ 34 АВГУСТ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Страница фотолетописи

ОБЪЕКТИВ ФОТОАППАРАТА ПОЗВОЛЯЕТ ВЫХВАТИТЬ МГНОВЕНИЕ ИЗ СТРЕМИТЕЛЬНОГО ПОТОКА ЖИЗНИ И ОСТАНОВИТЬ ЕГО, ЗАПЕЧАТЛЕВ НА ПЛЕНКЕ. ТАК СОЗДАЕТСЯ ФОТОЛЕТОПИСЬ. «ОГОНЕК» НАЧИНАЕТ ПЕЧАТАТЬ ОТДЕЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ ЭТОЙ ЛЕТОПИСИ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 34 (1939)

16 августа 1964

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Мы много раз видели на фотографиях неповторимый ансамбль Кремля и Красной площади. Панорама, раскинувшаяся здесь перед вами, сфотографирована с необычной точки. Чтобы сделать этот снимок, наш корреспондент Дм. Бальтерманц поднялся на вершину крана, строящего новую многоэтажную гостиницу «Россия» в Зарядье, макет которой изображен на маленьком снимке. Такой вид откроется перед гостями столицы с верхних этажей самого большого московского отеля, когда он войдет в строй и распахнет для них свои двери.

На первой странице обложки:

Летчик - испытатель 1-го класса Юрий Гарнаев.

Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки:

Фото Г. Копосова к очерку «Соавтор — дельфин».

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

Фото В. Соболева и Ю. Каплуна (ТАСС). Н. Козловского, В. Темина, А. Устинова.

Н. С. Хрущев и знатный кукурузовод Северной Осетии Х. Албегов.

Старейший коммунист М. С. Юрьев горячо приветствует Н. С. Хрущева в столице Башкирии.

Казань встречает Никиту Сергеевича Хрущева.

Август — месяц итогов. Кончается лето, и земледельцы отчитываются перед страной. Добрый август выдался в этом году, хлеборобы вырастили хороший урожай, с полей идут отрадные вести.

В эти дни совершает поездку по стране Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев. Никита Сергеевич говорит, что он отправился в поездку, чтобы «посмотреть хлеба, увидеть первые результаты осуществления решений февральского Пленума ЦК, а главное для того, чтобы посоветоваться с народом — колхозниками, рабочими совхозов, специалистами, учеными, партийными руководителями, как лучше использовать наши огромные возможности».

Никита Сергеевич уже побывал в Саратовской, Волгоградской, Ростовской областях, в Краснодарском крае, Адыгее, Татарии, Башкирии, теперь направляется на целину... И повсюду — теплые встречи с тружениками, повсюду шел большой разговор об интенсификации сельского хозяйства, о дальнейшем подъеме промышленности.

А в Северную Осетию Н. С. Хрущев приехал на большой праздник — на 40-летний юбилей автономной республики. Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР вручил руководителям Северной Осетии орден Ленина, которым награждена республика.

В строю живых

Эрнст Тельман и Анри Барбюс на VI конгрессе Коминтерна в 1928 году.

Буковый лес — по-немецки Бухенвальд — на горе Эттерсберг. Здесь, под Веймаром, гитлеровцы создали адский концлагерь.

Подолгу стоят люди возле укрепленной слева от двери крематория мемориальной доски. На доске надпись: «Вечная слава великому сыну немецкого народа и вождю немецкого рабочего класса Эрнсту Тельману, который был убит на этом месте фашизмом 18 августа 1944 года».

Имя Эрнста Тельмана в сердце каждого немецкого патриота. Вся жизнь его, простого гамбургского рабочего и талантливого политического руководителя, отдана немецкому народу.

Авторитет Эрнста Тельмана в немецком народе, в глазах всей мировой общественности был так велик, что гитлеровцы не решались расправиться с ним. Одиннадцать лет они держали его в тюрьме. Лишь когда стало ясно, что дни рейха сочтены, они сделали свое черное дело.

В Западной Германии до сих пор разгуливают на свободе непосредственные убийцы Эрнста Тельмана — эсэсовцы Отто и Бергер. Мировая общественность требовала их наказания, но западногерманская юстиция сослалась на «недостаточность доказательств».

Этой осенью Германской Демократической Республике исполняется пятнадцать лет. Имя Эрнста Тельмана носят крупнейшие индустриальные предприятия страны. Его именем названа организация юных пионеров-тельмановцев, растящая новых борцов за дело рабочего класса.

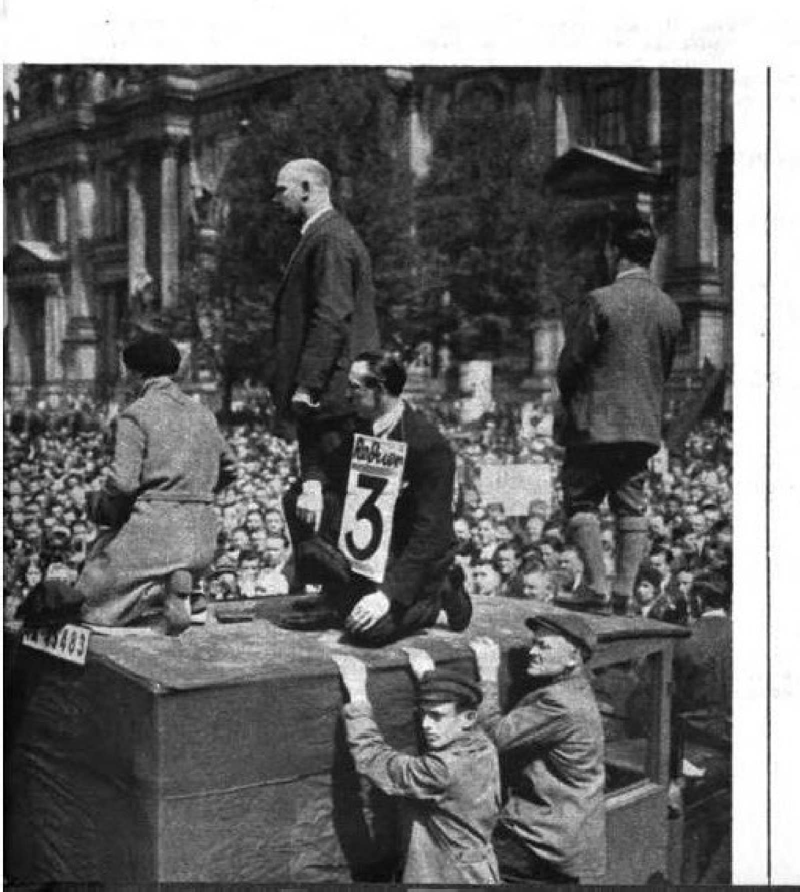
Новая, социалистическая Германия — это величественный и вечный памятник лучшему сыну немецкого народа Эрнсту Тельману.

М. ПОДКЛЮЧНИКОВ

На первомайском митинге в Берлине, 1930 год. Выступает Эрнст Тельман.

На Зимовниковском конном заводе Ростовской области. Дорогому гостю преподносят хлеб-соль.

НАГРАДА БОРЦУ ЗА МИР

«Мы, ныне живущие, не должны сомневаться в том, что борьба всех народов за мир одержит победу»,— это слова известного датского карикатуриста Херлуфа Бидструпа. 10 августа художнику, видному общественному деятелю, в Свердловском зале Кремля были вручены диплом и золотая медаль лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Боевое оружие Бидструпа — его меткий карандаш сатирика — верно служит делу мира, демократии и прогресса.

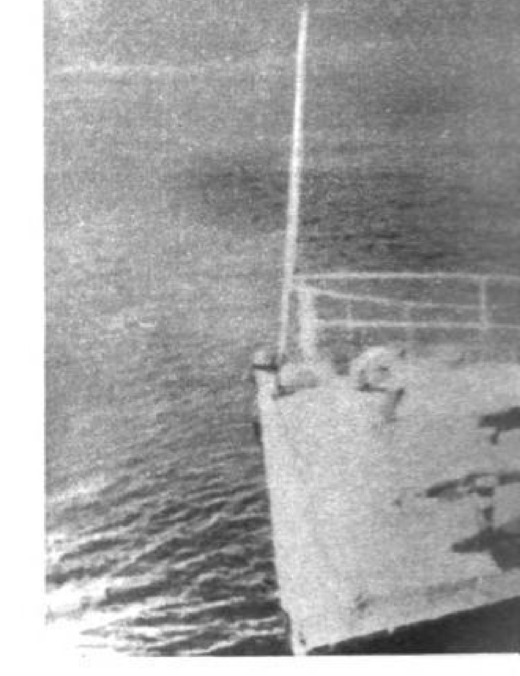

На снимке: член Комитета по международным Ленинским премиям народный артист СССР Г. В. Александров (слева) поздравляет Херлуфа Бидструпа с высокой наградой.

Фото А. Пахомова.

СЕГОДНЯ МЫ ПРОВОДИМ ЗАСЕДАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КЛУБА «ОГОНЬКА» — МКО. НАШ КЛУБ ЗАОЧНЫЙ. СВЯЗЬ МЕЖДУ ЕГО УЧАСТНИКАМИ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ ПО ТЕЛЕФОНУ, РАДИО, ТЕЛЕГРАФУ, ПРИ ПОМОЩИ ГАЗЕТ, ЖУРНАЛОВ, ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ.

Корабль у берегов Кип

Г-жа КАН ПРОТИВ МАКНАМАРЫ

«ОГОНЕК». Прошедшие две недели были очень напряженными в мире. Одно упоминание слов — Вьетнам и Кипр — говорит об этом.

Открытая агрессия США против ДРВ приняла совершенно разнузданные масштабы. Об этих масштабах лучше всего может сказать сам министр обороны США, вдохновитель агрессии Роберт Макнамара.

МАКНАМАРА. «...На протяжении ночи самолеты, базирующиеся на авианосцы «Тикондерога» и «Констеллейшн», совершили 64 боевых вылета для нанесения ударов по четырем

Макнамара на пресс-конференции 5 августа.

северовьетнамским базам сторожевых катеров и некоторым объектам материально-технического обеспечения, связанным с этими базами.

Нефтехранилище, состоящее из 14 резервуаров, что составляет приблизительно 10 процентов общей вместимости всех нефтехранилищ Северного Вьетнама, разрушено на 90 процентов. Как было замечено, дым поднялся на высоту до 14 тысяч футов. Кроме ущерба, нанесенного базам торпедных катеров и объектам материально-технического обеспечения, повреждено или уничтожено приблизительно 25 процентов общего числа катеров.

Два наших самолета пропали, два самолета повреждены, все другие в полной сохранности возвратились на авианосцы...»

(Из заявления Макнамары на пресс-конференции 5 августа с. г.)

«ОГОНЕК». Итак, значительные военные силы США участвовали в пиратском нападении на Демократическую Республику Вьетнам, площадь которой во много раз меньше площади Соединенных Штатов. Чего же стоят в этих условиях заявления официальных лиц США о том, что налет был произведен «в целях самообороны»! Именно как пиратский налет оценивают действия США во Вьетнаме все честные люди. Одно из миллионов мнений по этому поводу выскажет на сегодняшнем заседании нашего клуба американская гражданка г-жа Т. Кан.

Т. КАН. «Мне было очень трудно написать это письмо, так как я разрываюсь на части между любовью к моей стране и любовью к правде и справедливости, не говоря уже о моем горячем желании, чтобы мой юный сын и вообще вся наша молодежь прожили свою жизнь спокойно.

Но если уж им суждено умереть молодыми, то пусть это будет по крайней мере ради защиты нашей родины. Однако в далеком Южном Вьетнаме наши юноши убивают вьетнамцев, а вьетнамцы убивают наших юношей.

Зачем мы ведем эту необъявленную войну против маленькой страны, чей народ никогда не причинял нам зла и вряд ли может представлять для нас угрозу, даже если будет иметь коммунистическое правительство? Северный Вьетнам уже много лет является коммунистической страной, однако это не причиняет нам хлопот...

...То, что мы делаем сейчас, кажется мне безумием. Но ведь прежде чем боги губят людей, они лишают их разума».

(Из письма Т. Кан в газету «Нью-Йорк Уорлд телеграм энд Сан».)

Англичане требуют прекращения войны США во Вьетнаме.

«ОГОНЕК». К выступлению г-жи Кан следует, нам кажется, добавить в качестве иллюстрации цифровые данные журнала «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт». Этот журнал занимает позицию прямо противоположную позиции г-жи Кан, он за расширение войны во Вьетнаме, но цифры он приводит интересные. Итак, слово имеет

АМЕРИКАНСКИЙ ЖУРНАЛ «Ю. С. НЬЮС ЭНД УОРЛД РИПОРТ».

В 1954 году... в Сайгон было послано несколько американских советников.

К 1960 году число советников увеличилось до 700.

В 1961 году после поездки в Южный Вьетнам тогдашнего вице-президента Джонсона число советников увеличилось до 1 750.

В 1962 году произошло значительное увеличение. К концу года в Южном Вьетнаме было около 12 тысяч американских солдат.

В 1963 году, к июлю, там было 14 тысяч; в ноябре — 16 500.

В 1963 году, в декабре, было объявлено, что тысяча американских советников будет отозвана из Вьетнама.

В 1964 году, в июле, объявлено, что 600 человек возвратятся во Вьетнам.

ТЕПЕРЬ 5 тысяч солдат и офицеров дополнительно отправляются в Южный Вьетнам. Всего в войне в джунглях участвует 21 тысяча американцев».

(«Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт» от 10 августа с. г.)

«ОГОНЕК». Не высохла еще кровь жертв американской агрессии в ДРВ, как новая трагическая весть облетела мир: турецкие самолеты совершили нападение на мирные деревни Кипра.

ТРАГЕДИЯ НА КИПРЕ

8 ДНЕЙ ПОД ЗЕМЛЕЙ

НАЙДЕНЫ ТРУПЫ ЖЕРТВ РАСИЗМА

БИТВА В ГАСТИНГСЕ

…осле налета турецкой авиации.

Сотни убитых, сотни раненых. Среди них — дети, женщины, старики.
К сожалению, мы не смогли связаться с Кипром по телефону: американская служба связи не предоставила нам линию. Поэтому комментировать события в Средиземном море будет

А. И. СЕМИН, КОРРЕСПОНДЕНТ ТАСС В АФИНАХ (по телефону).

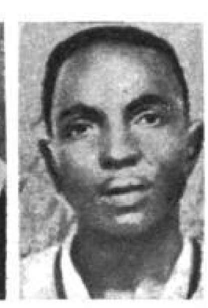
Здесь все возмущены варварскими налетами турецкой авиации на Кипр. Американский посол в Греции, который совершал безмятежную прогулку по Эгейскому морю, когда горели деревни на Кипре, был вызван в Афины. Греческое правительство заявило ему протест по поводу действий Турции — союзника США по НАТО.

С кем я ни разговаривал сегодня утром, все, начиная с уборщика на улице и кончая правительственным чиновником,— все возмущались тем, что союзники по НАТО — США и Англия — палец о палец не ударили, чтобы прекратить кровопролитие на Кипре. Более того, всем известно, что Турция совершает налеты на Кипр самолетами, поставленными ей НАТО. И бомбы тоже принадлежат НАТО. Видимо, руководители НАТО мечтают о том, чтобы превратить Кипр в непотопляемую базу этого агрессивного пакта. Во всяком случае, к Кипру уже двинулась авианосная оперативная группа 6-го американского флота, стоявшая в порту Неаполя.

Трудящиеся Греции устраивают демонстрации протеста перед окнами американского и английского посольств.

«ОГОНЕК». Кровь пролилась не только на земле Вьетнама, Кипра. Кровь обагрила и землю американского штата Миссисипи. Это убийство произошло давно — почти два месяца назад. Бесследно исчезли три активных борца за равноправие негров в США: два белых — двадцатилетний Эндрю Гудмен и двадцатичетырехлетний

Майкл Швернер. Эндрю Гудмен. Джеймс Чени.

Майкл Швернер — и их друг негр Джеймс Чени, которому исполнился 21 год.
44 дня полиция разыскивала их, и наконец 4 августа были обнаружены трупы молодых людей... О том, как это произошло, рассказывает на сегодняшнем заседании МКО

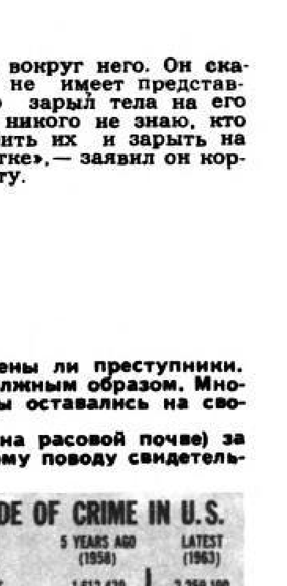
Э. РИЗ, КОРРЕСПОНДЕНТ ЮПИ.

Тела были найдены около сельского пруда недалеко от Филадельфии (Миссисипи).

Агентам ФБР, которые уже обыскали эту местность, один человек сообщил точно место, после того как стало известно, что за конкретные сведения ФБР назначило большое вознаграждение. Чаще всего упоминали сумму 25 тысяч долларов. Агенты ФБР направились прямо к плотине и вырыли яму в холме, составлявшем плотину. Тела были обнаружены в неглубокой могиле, примерно на глубине трех футов.

Для того, чтобы завалить тела грязью, было использовано какое-то землеройное устройство, может быть, бульдозер.

Олен Барредж, 42 лет, владелец участка, на котором были обнаружены трупы, заявил агентам: «Можете искать, где хотите». Затем, в тот же день, рассказал он, он отправился к тому месту, где были обнаружены трупы, и увидел скребковый экскаватор около плотины и агентов вокруг него. Он сказал, что не имеет представления, кто зарыл тела на его земле. «Я никого не знаю, кто мог бы убить их и зарыть на моем участке»,— заявил он корреспонденту.

«ОГОНЕК». Пока еще неизвестно, обнаружены ли преступники. А если обнаружены, то будут ли наказаны должным образом. Многочисленные примеры, когда расисты-убийцы оставались на свободе в США, наводят на грустные мысли.
Вообще преступность в США (не только на расовой почве) за последние годы значительно выросла. По этому поводу свидетельствует

ЖУРНАЛ «Ю. С. НЬЮС ЭНД УОРЛД РИПОРТ». «Серьезных преступлений в США 5 лет назад (1958 год) было 1 612 430, ныне (1963 год) — 2 259 100. Население США в 1958 году — 174 миллиона, в 1963 году — 189 миллионов. За последние 5 лет преступность возросла на 40 процентов, население — на 8 процентов. Преступность растет в пять раз быстрее, чем население.

RISING TIDE OF CRIME IN U.S.

	5 YEARS AGO (1958)	LATEST (1963)
SERIOUS CRIMES IN U.S.	1,612,430	2,259,100
PEOPLE IN U.S.	174 MILLION	189 MILLION

In Last 5 Years—

CRIME	UP 40%
PEOPLE	UP 8%

CRIME IS GROWING 5 TIMES AS FAST AS THE POPULATION

«ОГОНЕК». Преступность, особенно среди молодежи, растет и в других капиталистических странах, например, в Англии. В газетах уже писалось о так называемой «битве в Гастингсе», когда значительным полицейским силам пришлось отражать нашествие на этот курортный городок толпы хулиганов — молодых людей обоего пола, съехавшихся туда в определенный день из разных городов Англии. Событие это комментирует своим снимком

ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ АГЕНТСТВА ЮПИ.

«ОГОНЕК». Теперь перенесемся во Францию, где недавно близ города Шампаньоль разыгралась трагедия: 14 шахтеров были завалены в шахте. Их разыскивали восемь дней. Мы счастливы предоставить «фотослово» на заседании клуба фотокорреспонденту ЮПИ, который свидетельствует своим снимком, что девять человек из четырнадцати спасены и находятся в госпитале.

АГЕНТСТВО РЕЙТЕР. Каждого из шахтеров доставили на поверхность в специальной спасательной капсуле, которая двигалась по скважине, пробуренной к месту, где находились шахтеры. Последним подняли наверх 44-летнего шахтера Андре Мартине, который сам пожелал, чтобы все его друзья были освобождены до него.

Другая группа шахтеров — 5 человек,— заваленных в шахте, не обнаружена. Поиски прекращены.

Спасенные шахтеры. Четвертый слева — Андре Мартине.

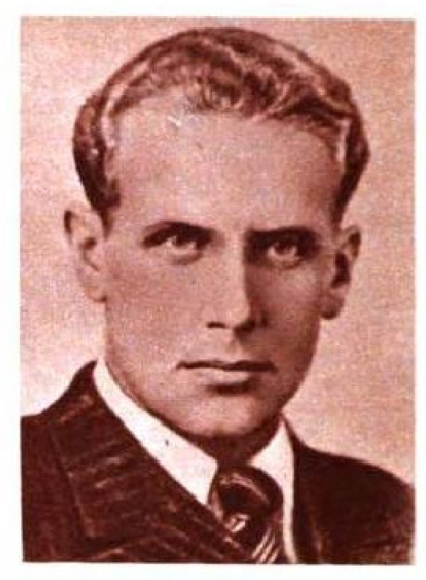
«ОГОНЕК». Подходит к концу заседание МКО. Телеграф приносит все новые и новые сообщения. И если речь в них идет о горе, то горе это близко всем людям; если о радости, то и радость близка и понятна всем, независимо от цвета кожи, от политических убеждений и веры. Мы, конечно, не имеем в виду тех «бешеных», для которых людское горе — средство к материальной или политической наживе и которых людская радость приводит в отчаяние. Мы говорим об абсолютном большинстве человечества.

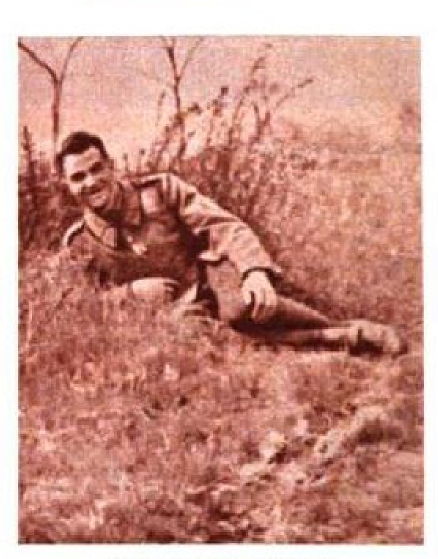
Заседание Международного клуба «Огонька» вел обозреватель журнала Генрих БОРОВИК.

Исполняется 20 лет с тех пор, как Париж был освобожден от гитлеровских оккупантов. В борьбе против фашизма вместе с французскими патриотами участвовали и наши соотечественники, жившие во Франции. О некоторых из них мы рассказываем сегодня.

Русские сердца

Борис Вильде.

Анатолий Левицкий.

В. А. Оболенская.

И. А. Кривошеин.

Рита КОРН

Передо мной две небольшие книги в белых мягких переплетах — библиографическая редкость. Изданы они в Париже в 1946 и 1947 годах, тираж каждой — 500 экземпляров. Достать эти книги почти невозможно. Это два номера «Вестника русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции». В каждой из них не более полутораста страниц. Как будто немного. Но это — потрясающее свидетельство героизма русских людей, которые в годы минувшей войны боролись за победу над фашизмом.

...Если вам случится быть в Париже и вы посетите Музей Человека, то на двух мемориальных досках у главного входа прочтете: «Вильде. Оставлен при университете, выдающийся пионер науки. Целиком посвятил себя делу подпольного Сопротивления. Будучи арестован гестапо и приговорен к смертной казни, явил своим поведением во время суда и под пулями высший пример храбрости и самоотречения.

Левицкий, выдающийся молодой ученый, с самого начала оккупации в 1940 году принял активное участие в подпольном Сопротивлении. Арестованный чинами гестапо, держал себя перед немцами с исключительным достоинством и храбростью, вызывающими восхищение.

Шарль де Голль».

Борис Вильде и Анатолий Левицкий — представители второго поколения русских эмигрантов в Париже. Оба погибли.

15 декабря 1940 года в оккупированном Париже вышел первый номер подпольной газеты, названной «Резистанс». Редакторы этой газеты—Борис Вильде и Анатолий Левицкий. Им принадлежит термин, вошедший в историю Европы, — «Резистанс» — «Сопротивление»,— которым они определили борьбу с фашистами в оккупированной Франции. (Выходящая впоследствии крупная ежедневная газета «Резистанс» берет свое начало от детища Вильде—Левицкого.)

Окончив историко-филологический факультет и этнографический институт, Б. Вильде работал при Европейском отделе Музея Человека. Его доклады по вопросам этнографии, антропологии, языковедению, о социально-экономических строях исчезнувших и современных цивилизаций были блестящими.

Анатолий Левицкий окончил историко-филологический факультет и этнографический институт. Он заведовал одним из отделов Музея Человека. Весь талант организатора Левицкий принес в Сопротивление.

В августе 1940 года подпольная группа Музея Человека распространила нелегальный трактат: «33 совета оккупированным». Они расклеивали прокламации в телефонных будках, на немецких автомобилях, забрасывали их в почтовые ящики. В универсальных магазинах в свертки они вкладывали размноженное в типографии Музея Человека письмо своего директора, доктора Риве, маршалу Петэну. Во всех распространяемых материалах один возглас, один призыв, обращенный к раздавленной, растерзанной и оккупированной Франции: «Сопротивляйтесь!»

Вильде ездит по Парижу в форме немецкого офицера, проникает в воинские части, агитирует, собирает солдат и офицеров разбитой французской армии, занимается переброской людей в Англию к де Голлю.

Гестапо, напав на след организации, производит обыск в Музее Человека. Вильде в это время находится вне Парижа. Левицкому удается бежать из Музея, но его настигают и арестовывают в метрополитене. На допросах Левицкого самым жесточайшим образом пытают, бьют, но он переносит все это с необыкновенным мужеством, никого и ничего не выдав.

...8 января 1942 года во внутреннем дворе тюрьмы Фрэн при закрытых дверях начался военный суд над 18 участниками организации Музея Человека.

23 февраля, в пять часов вечера, приговоренные к смерти были вывезены из тюрьмы Фрэн на Монт-Валериен. Вильде и Левицкий попросили разрешения встретить смерть без повязок.

Глядя в дула немецких винтовок, Борис Вильде вспомнил, быть может, слова, записанные в его тюремном дневнике: «Оглянись назад, на свое прошлое, и ты увидишь, что твое становление было историей твоего очеловечения».

...Если вам случится быть в Париже, посетите Музей Человека.

* * *

Довоенная фотография молодой красивой женщины. Небрежный поворот головы, милый, чуть лукавый взгляд больших глаз — Вера Аполлоновна Оболенская. Под фото подпись: «Младший лейтенант, основательница и секретарь одной из организаций Сопротивления с 1940 г. Арестована, вывезена в Германию и казнена в Берлине. Явила всем прекрасный пример преданности Франции и героизма в борьбе с гитлеризмом».

...Многие знали в довоенном Париже красавицу Вики Оболенскую — веселую, любящую жизнь, молодую, прелестную женщину. Ей было только семь лет, когда родители увезли ее из Москвы во Францию. Вся жизнь Оболенской прошла в Париже. Франция стала для нее второй родиной.

Вики работала в подполье толково, быстро, без отдыха. С раннего утра до позднего вечера. Она сняла квартиру на рю Кассет, принимала в ней членов организации, переписывала на машинке приказы, тайные донесения, снимала копии планов, схем, мест приземления парашютистов. Ее бесстрашие и находчивость кажутся невероятными.

Попав однажды в облаву в метро с чемоданом, в котором она переносила секретные документы, Вики на вопрос полицейского, что в чемодане, непринужденно, с веселой усмешкой ответила: «Небольшая бомба,

месье». Полицейский рассмеялся и... пропустил ее.

Арестовали ее 17 декабря 1943 года на квартире у Софьи Носович, ее близкой подруги и соратницы в борьбе. В одиннадцать часов утра гестаповец и три французских полицейских схватили обеих женщин.

С первого дня в гестапо непрерывная цепь допросов, пытки. Наконец, обреченных и измученных женщин переводят в тюрьму Фрэн. Вики попадает в интернациональную камеру: француженки, итальянки, австрийки. Вики быстро подключается к общему ритму тюремной жизни. Учит русскому языку итальянку, изучает сама немецкий язык с помощью австрийки, пишет стихи. Каждое утро на рассвете раздается хриплый голос смотрительницы: «Оболенская, на допрос...»

Допрашивали пять гестаповцев с двумя переводчиками — русским и французским. Подчеркивали эмигрантское прошлое арестованной. Ее уговаривали отойти от опасного движения Сопротивления, в котором ведущую роль играют коммунисты. Вики не поддавалась. «Я русская, жила всю жизнь во Франции, и я никогда не изменю ни своей родине — России, ни Франции, приютившей меня».

Как только на допросе у нее спрашивали имена подпольщиков, Вики умолкала. Военный следователь прозвал ее «Принцесса Их вейс нихт». Несмотря ни на какие угрозы, пытки, нечеловеческие муки, гестаповцы ничего не узнали от Оболенской.

...Окончилось следствие, состоялся суд. Оболенскую и Носович приговорили к смертной казни.

В яркий весенний день Вики Оболенскую и Софью Носович увезли в Германию...

В Берлине их привозят в тюрьму «Альт-Моабит». Режим приговоренных к смерти — одиночная камера, ручные кандалы, зажженный свет круглые сутки.

В конце июля 1944 года, после покушения на Гитлера, узниц перевезли в тюрьму Барнимштрассе. Здесь были собраны женщины-смертницы. В камеру к Оболенской привели молодую советскую женщину. По профессии она была врач. Ее приговорили к смерти за пропаганду против войны, за связь с немецкими коммунистами. Тихая, скромная женщина мало говорила о себе. Но она поразила всех своей непреклонной уверенностью в окончательной победе России. Встреча с ней укрепила мечту Оболенской вернуться на Родину. Они договорились: если останутся живы, то обязательно встретятся в России...

В тюремном дворе на плахе фашисты отрубили Вики голову.

В Париже на русском кладбище поставлена мемориальная доска. На условной могиле.

Французское правительство посмертно наградило Веру Аполлоновну Оболенскую Орденом Почетного легиона, Военным крестом с пальмами и Медалью Сопротивления.

* * *

Русских эмигрантов, участников Сопротивления, во Франции было немало. Среди них были представители старшего поколения, но больше — детей эмигрантов, выросших во Франции и воспитанных на русских традициях, на русской и советской литературе. Лучшие из них без колебаний включились в общий фронт международной борьбы против фашизма. Многие погибли. Сейчас в Советском Союзе живут и работают те активные участники Сопротивления, бывшие узники немецких лагерей, которые остались живыми и после войны вернулись на Родину.

Один из них — Игорь Александрович Кривошеин, сын царского министра, воспитанник пажеского корпуса, офицер. Русский патриотизм определил место и линию поведения Кривошеина в годы войны и оккупации.

Вот что он писал о своем участии в Сопротивлении: «Париж. Воскресное утро 22 июня 1941 года. Визгливый, истерический голос Геббельса возвещает по радио всему миру о том, что несколько часов тому назад гитлеровские полчища вторглись в Советский Союз и быстро продвигаются на восток... Резкий стук в дверь. Два немецких жандарма с направленными на меня пистолетами. «Вы русский, вы арестованы!» Последний взгляд на жену и сына. И вот я за проволокой в лагере Компьен. Здесь тысячи русских, арестованных в качестве заложников. Двадцать лет я живу в Париже, образование и специальность инженера получил здесь. Но я русский, моя жена русская, и, наконец, мой семилетний сын, он говорит по-русски. Теперь настало время действовать. Это стало ясно здесь, в лагере, не только мне. Нужно было бороться с немецкой пропагандой, организовать помощь заключенным. Создается подпольный лагерный комитет взаимопомощи, членом которого я стал.

С этого мгновения началась моя деятельность сопротивления.

...Выбравшись из лагеря, я совместно с легендарной «матерью Марией» (русской поэтессой Кузьминой-Караваевой, пошедшей впоследствии добровольно в газовую камеру вместо советской девушки в Равенсбрюке) занялся организацией помощи заключенным и их семьям. Впоследствии мне удалось вступить в ФТП (вольные стрелки и партизаны), боевую организацию Французской компартии, и включиться в активную подпольную работу. Самым главным поручением для меня было раздобывание сведений и точной информации. В конце 1943 года я нашел источник исключительной ценности, познакомившись с немецким антифашистом, работавшим в Экономическом отделе в штабе военного немецкого командования. Ему было 35 лет.

В доме, где я его встретил, он говорил, что, напав на Советский Союз, нацизм подписал себе смертный приговор. Он не скрывал своей ненависти к нацизму. Я решился и дал ему понять, что связан с Сопротивлением. Бланке тотчас же согласился нам помогать. Для него борьба с нацизмом была продиктована подлинным немецким патриотизмом.

Французское Сопротивление регулярно получало от Бланке очень ценные сведения.

11 июня 1944 года Бланке был арестован. На следующий день, прежде чем я мог узнать о его аресте, меня пригласили под формальным предлогом во французское полицейское учреждение и передали в руки гестапо».

Немецкий следователь произносил перед арестованным Кривошеиным стереотипные фразы: «Ну что ж, игра проиграна, теперь нужно расплачиваться. Мы ждем, что вы нам скажете правду. Мы располагаем всеми средствами, чтобы заставить вас говорить. Не заставляйте нас прибегать к этим методам, будьте благоразумны».

Это было только вначале. С каждым днем допросы становились все более жестокими. Заключенного нещадно избивали, пытали и при этом приговаривали: «Он должен заговорить, а если сдохнет, то для нас это совершенно безразлично». Нечеловеческие испытания были выдержаны Кривошеиным с честью. Его отправили в Бухенвальд.

После победы, вернувшись в Париж, Кривошеин узнал, что Бланке, представ перед военным судом, взял на себя полную ответственность за свои действия. На суде он заявил: «Я немец, любящий свою родину, и действовал из ненависти к нацистскому режиму...» В августе 1944 года он был расстрелян.

В 1947 году, получив Медаль Сопротивления, Кривошеин вместе с некоторыми другими активными участниками русского Сопротивления вернулся в Советский Союз. Теперь он живет и трудится в Москве.

В Москве же работает А. А. Угримов, организатор одной из групп Сопротивления.

Но именно И. А. Кривошеину мы обязаны тем, что сумели познакомить наших читателей с редким изданием, выходившим во Франции под его редакцией. Он принес нам два номера «Вестника русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции».

О прошлом для будущего

Это были дни взаимного обогащения всем тем новым, что открыли и разработали антропологи и этнографы за истекшие четыре года.

Изучая далекое и недалекое прошлое жизни на нашей планете, ученые не только перебрасывают мосты в настоящее, они используют получаемые данные для сегодняшних нужд науки и практики. Таковы, например, исследования ленинградского рентгенолога профессора Д. Г. Рохлина и его учеников: изучая кости людей прежних времен, они совершенствуют современную рентгенодиагностику многих заболеваний. Ценность для практики имеют исследования и многих других ученых, работающих в области анатомической антропологии. Открытия в этом разделе науки неожиданно представили интерес даже для криминалистики. Например, работы Г. Ф. Дебеца (СССР), М. Черного (Чехословакия) позволяют по отдельным костям судить о весе, росте и других особенностях человека, что может представить интерес при расследовании преступлений. И уж, конечно, непосредственное значение для практики имеют труды из области спортивной антропологии.

Увлекательные проблемы выдвинуло изучение средневековых географических карт (работы А. В. Ефимова и других).

Как отметил участник конгресса, всемирно известный исследователь норвежский профессор Тур Хейердал, доклады, которые он слушал, внесли много нового в познание прошлого Австралии и островов Тихого океана. Об их истории говорили в своих выступлениях ученые из США, Англии, СССР и других стран: К. Эмори, Х. Синото, К. Смит, П. Гетеркоул, И. К. Федорова, Д. Д. Тумаркин.

Много интересного увидели участники конгресса в кинозалах, где было показано несколько десятков кинофильмов. На экранах бесконечной лентой, сменяя друг друга, мелькали кадры, рассказывавшие о жизни эскимосов Канады, о высокогорных селениях в Гималаях, о болгарском фольклоре, об «открытых музеях» Армении, о жизни тружеников советского Таймыра.

Московский конгресс был самым многолюдным форумом этнографов и антропологов и самым богатым по количеству докладов. Следующий, VIII конгресс решено созвать в 1968 году в Токио.

Ф. КАМЕНСКИЙ

Тур Хейердал пишет приветствие читателям «Огонька».
Фото Галины Санько.

De beste hilsener
til leserne av
Ogonjok
fra
Thor Heyerdahl
Moskva, 7. 8. 1964

7 АВГУСТА 1964 ГОДА СКОНЧАЛСЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВСЕПОЛЬСКОГО КОМИТЕТА ФРОНТА ЕДИНСТВА НАРОДА, ЧЛЕН ПОЛИТБЮРО ЦК ПОЛЬСКОЙ ОБЪЕДИНЕННОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ТОВАРИЩ АЛЕКСАНДР ЗАВАДСКИЙ.

МЫ ПОМНИМ ЕГО ТАКИМ

Безвременная кончина товарища Александра Завадского повергла в траур польский народ и вызвала соболезнование всех его друзей. Ушел из жизни закаленный в боях революционер, стойкий борец против гитлеризма, неутомимый строитель народной Польши, выдающийся поборник братской дружбы нашей страны с Советским Союзом и другими социалистическими странами, мирных отношений между всеми народами мира.

А. Завадский был верным сыном польского рабочего класса. Он родился в 1899 году в семье металлурга. Когда его отец, потеряв глаз во время работы, был выброшен на улицу, тринадцатилетний Александр стал опорой всей семьи. Юный горняк из шахты «Париж» проходил среди рабочих промышленного округа Домбровы Гурничей первую школу классового самосознания. С 1921 года он — в рядах Союза коммунистической молодежи, потом — в Коммунистической партии Польши. Как член ЦК СКМ он умело вел подпольную работу в Силезии, в Варшаве, Лодзи и других городах Польши. Буржуазия искала и преследовала этого активного борца за дело народа. Из двадцати межвоенных лет буржуазной Польши целых одиннадцать лет он провел в тюрьмах, и сентябрь 1939 года застал товарища Завадского в камере тюрьмы в Бресте на Буге.

Находясь во время второй мировой войны в СССР, он становится на борьбу с гитлеризмом, участвует в памятной битве на Волге. Самоотверженно борясь за освобождение своей родины, А. Завадский сыграл большую роль в создании на советской земле польских вооруженных сил.

После освобождения Польши Александр Завадский стал членом Политбюро ЦК Польской рабочей партии, а после объединения рабочих партий — ЦК ПОРП. Памятной страницей участия товарища Завадского в восстановлении Польши после военных разрушений явилась его деятельность на посту уполномоченного правительства, а затем воеводы в крупнейшем промышленном округе Польши — в Силезии и Домбровском бассейне. Бывший шахтер из Домбровы Гурничей посвятил все свои силы делу организации новой жизни на земле, где он прошел первую школу революционной борьбы.

С 1952 года партия поручает А. Завадскому высокий пост — Председателя Государственного совета ПНР.

Во многих уголках Польши тысячи людей помнят Александра Завадского по личным с ним встречам, помнят его скромность, чуткость, заботливое отношение к повседневным нуждам трудящихся. Он часто посещал города и села, промышленные предприятия и школы, всегда находил время для дружеской беседы.

Товарищ Завадский снискал уважение сторонников мира и прогресса далеко за пределами нашей родины. Горячий патриотизм, напряженное служение делу мира и социализма, незыблемая идейность и принципиальность коммуниста — вот незабываемые черты Александра Завадского, верного сына польского народа.

Ян РУШИЦ,
московский корреспондент газеты «Трибуна люду».

КАРТИНЫ — НОВОСЕЛЫ

Восемь картин — семь авторов. У каждого автора своя тема, у каждой картины своя настроенность, свой колорит. Края, которым отдали художники любовь и привязанность, разные, совсем несхожие, порой разделены они тысячами километров. А судьба у всех этих полотен одинаковая, завидная. Они были приняты в фонд Всесоюзной художественной лотереи и стали картинами-новоселами.

Некоторые из них еще на пути к своему местожительству, другие вручены владельцам. Слесарь В. Свирихин в Челябинске и судья А. Сапунов в Минске встретили свои выигрыши, как дорогих гостей. Владимир Свирихин, когда ему сообщили, что его картина будет опубликована в «Огоньке», оказавшись проездом в Москве, специально зашел в редакцию.

— Покажите, пожалуйста, репродукцию. Посылка с картиной до нас еще не дошла, а посмотреть не терпится!..

И счастливый владелец не был разочарован.

— Как живо передал красоту сказочной Венеции художник, словно мне самому довелось там побывать!

А теперь в уральской квартире Свирихиных уже появился уголок далекого итальянского города, который запечатлел художник В. Стожаров, побывавший недавно в Италии.

Сапуновы принимают у себя в Белоруссии картину А. Папикяна «Алагез» — поэтичный уголок Армении. «Картина действительно вошла в наш дом как желанный гость,— пишут они.— Встречена она всей семьей с радостью. Выигрыш совпал с получением квартиры...»

А у столяра Н. Кияшко из Ангарска картина обновила старый дом. «Жена, как узнала про выигрыш, сразу пришла к такому выводу: чтобы в нашей квартире было красиво и уютно и новая картина смотрелась в ней по-настоящему, надо немедленно заменить кое-какую мебель и сделать в комнате перестановку. В общем, картина наделала нам хлопот, но мы рады и гордимся, что в нашем доме поселится работа настоящего художника-мастера».

Начальник швейного цеха Краснохолмского райпромкомбината П. Марченко рассказывает: «Когда мои товарищи узнали, что я выиграл картину, поздравляли меня, как именинника, и просили, как только получу картину, обязательно пригласить их всех на нее посмотреть. Тогда и начнется настоящее обсуждение. Жаль, что не будет с нами автора».

Москвич инженер-экономист С. Куриленко, выигравший картину Л. Дзадзамидзе «Тополя», живет с семьей в одной комнате. Он рассказывает, что картине оказалось здесь тесновато, свет падает неровными бликами. Сергей Куриленко шутливо предлагает: в следующую художественную лотерею к картине прилагать и квартиру. Новоселье так новоселье!

В Москве, на улице Станиславского, поселилась картина В. Косенкова «Утро». В новом доме на Верхне-Михайловском проезде — «Осень» А. Пластова. Но большинство картин еще в пути. Дирекцию лотереи засыпают нетерпеливыми письмами.

«Уже прошло больше двух месяцев, как мы отослали свой билет в Москву,— пишет из Днепропетровска машинист В. Сухоруков,— а картину все никак не получим, хотя в таблице розыгрыша написано, что доставка будет произведена в течение месяца».

В письме в редакцию он раскрывает причину своего нетерпения. Картина, которую выиграл Сухоруков — «Карталинские тополя» М. Хвития,— была опубликована в № 19 «Огонька». «Мы видели репродукцию,— пишет он,— она нам понравилась. Но уж очень хочется скорее посмотреть на оригинал! Очень прошу вас: посодействуйте, чтобы скорее прислали нашу картину».

Волнуется в Саратове и работница почтамта Анна Сергеевна Спорышева с двумя сыновьями — Славой и Женей:

«Мы уже стали просто обижаться на дирекцию лотереи... Пожалуйста, попросите, чтобы они побыстрее выслали наш выигрыш, а то мы устали ждать».

Особенно велико нетерпение старшего — семнадцатилетнего Славы. Ведь это на купленный им единственный билет и выпал выигрыш—солнечная, горячая, полная радости труда картина А. Папикяна «Хлеб».

Не все удалось учесть на первый раз. Лотерея — дело новое. И в письмах, полученных редакцией, много очень полезных предложений:

«Нужно, чтобы лотерейные билеты продавались во всех почтовых отделениях...»

«Необходимо больше популяризировать такое хорошее дело, как художественная лотерея, а то многие узнали о ней только тогда, когда родственники или знакомые выиграли и рассказали о своей радости».

«Таблицу выигрышей надо публиковать не только в «Советской культуре», но и в других газетах».

Так перекидывается мостик ко второй лотерее.

Нам тоже хочется присоединиться к откликам участников лотереи: пусть в будущем она приносит в дома советских людей только радость и никому не доставляет даже малых огорчений. Об этом нужно позаботиться устроителям сегодня, когда она исподволь уже готовится...

Среди картин, помещенных на нашей вкладке, есть работа Леонида Кабачека «В праздник» — из чувашского цикла. Замечательную картину яркого и самобытного художника — певца Советской Чувашии — предстоит выиграть одному из тех, кто купит выигрышный билет второй Всесоюзной художественной лотереи.

Эльвира ПОПОВА

А Пластов (Москва). НА ПРИШКОЛЬНОМ УЧАСТКЕ.

ОСЕНЬ.

Л. Кабачек (Ленинград). В ПРАЗДНИК.

А. Папикян (Москва). АЛАГЕЗ.

Павел БОЦУ

УТРЕННЕЕ

Превыше всего я утра пою.
Ресницами росными льнут они
к окнам,
И в говор гудков заводских
вносят свежесть,
И полнятся гулом бессонных лесов
И шумом падения звезд перезрелых.

Превыше всего я утра пою
Со всеми тропинками, ждущими у порогов,
Со всеми ростками надежды еще на корню:
Сегодня ты столько-то сделаешь за день,
Ты столько-то выполнить можешь за 24 часа.
О, если б ты мог разделить их,
Как булку горячего хлеба, на ломти!..

Ночь — это лиса, что следы свои черные лижет.
Как тихо она подбирается к нам перед утром,
Тряся облетающие тополя,
Дремотно стоящие возле калитки!
И крупные зерна роняют они с капюшонов —
Небес серебро живое.

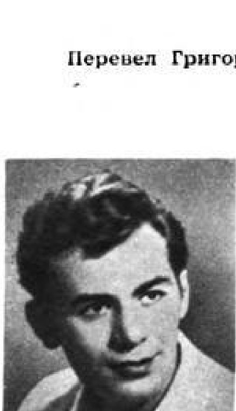
Превыше всего я утра пою,
При пробужденье дорог восхищенно присутствую,
Когда возвращаются птицы астрального света
И встречаются с птицами света земного,
Неизменно клюющими зерна у окон.

Трубы рассвета повсюду слышны на побудке:
— Эй, понтонеры, колодезных дел мастера,
Пахари, каменщики и поэты,
Ваше время настало, вставайте!
Прямые, подобные ранним лучам,
Идите на помощь лозе виноградной, встающей из глуби.
Видите: дети во сне продолжают расти
И, просветленные, устремляются к звездам...

Превыше всего я утра пою.

Перевел Григорий ПЕРОВ.

Эмиль ЛОТЯНУ

ГЛОБУС

Ах, этот глобус,
маленький глобус школьный!
Он в пятом классе
скромно живет в углу.
Глобус школьный,
словно бы мяч футбольный:
снял с подставки —
и начинай игру!..

Но не бросают глобус,
не обижают.
Здесь, в пятом классе,
дети, как и везде,
глобус не обижают,
а уважают,
изображают
красками на листе.

Ну-ка, скажи-ка,
что за река такая?
Что это за пустыня
перед тобой?..
В тайны его великие
проникая,
пальцами дети вертят
шар голубой.

Вертится глобус.
Страны и океаны.
Падают водопады.
Шумят леса.
Грозно стоят вулканы,
как великаны.
Птицы кричат,
и странны их голоса.

Вертится шар,
тому уже четверть века
усыновивший
маленького
меня.
Раб на нем превращается
в человека
и разгибает спину,
цепью звеня.

Вертится шар,
где птицы стремятся к югу,
где происходит смена
ночей и дней.
Шар, где я научился
идти сквозь вьюгу,
ношу нести
и спину не гнуть под ней.

Ах, этот глобус,
круглый, как мяч футбольный,
шар,
где наша земля
уместилась вся!
Вертится глобус,
вертится глобус школьный,
детских ладоней след
на себе неся.

Перевел Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ.

Емилиан БУКОВ

ЗЕРНО ВИНОГРАДА

На лоне
моей ладони,
яркому солнцу радуясь,
лежит виноградина.
А зерна
плавают медленно,
словно два лебедя,
по сладкой воде озерной.

Я взглядом
скольжу по отлогим скатам
холма-виноградника
и вижу: лоза мне кланяется,
от собственных соков пьяная,
склонившая низко голову
к шесту прямому и гордому,
как знак восклицания.

Под шапкой ли снега,
в одежде листвы зеленой
живет виноград, отраженный
моими зрачками,
и кажется,
что он, как на саночках, катится,
и черные зерна звенят
бубенцами.

По длинным террасам
спускается к людям в долину
зерно бесконечной радости,
стучится в окошко плетьми
полукружными,
вскипает в бокале прозрачном,
на блюде поблескивает
жемчужинами.

Перевела Дина ОРЛОВСКАЯ.

Архип ЧИБОТАРУ

В десятый раз

А между нами время сыплет снегом
В десятый раз. И разделяет нас
В десятый раз весна, и лето следом,
И осень шелестит в десятый раз.

И все они проводят между нами
Свою черту-границу: листопад,
И снегопад, и майский сад — цветами,
Напоминая: нет пути назад.

И мы на берегах десятилетья
Как будто рядом, но в такой дали,
Что снова между нами на рассвете
Немые пролетают журавли...

В который раз бросаюсь в волны с ходу,
Плыву, но не проплыть и двух шагов:
Куда ни глянь, ни моста нет, ни брода,
И берега бегут от берегов.

Перевел Кирилл КОВАЛЬДЖИ.

Репортаж ведут корреспонденты «Огонька»

Олег ШМЕЛЕВ,

Евгений УМНОВ

Вечером в аэропорте Внуково. ▶

◀ Маринка Лебедева летит не в первый раз.

открытое НЕБО

Еще тридцать лет назад даже летящий в небе маленький «ПО-2» заставлял людей задирать головы. А летчиков, водивших громадные по тем временам «АНТы», вся страна знала по именам и фамилиям, как сегодня знают космонавтов.

Вспомните, какими безудержно восторженными были описания первых рейсов реактивных пассажирских лайнеров. Описания эти иногда поднимались в заоблачные выси философии: в них говорилось о том, как самолет меняет человеческие представления о времени и пространстве. Но прошло всего лишь несколько быстрых лет, и сегодня пассажир, позавтракавший во Владивостоке, ужинает в Москве, как будто это так всегда и было. В стране, гражданский воздушный флот которой перевозит за год тридцать восемь миллионов человек, воздушная профессия, казалось бы, должна потерять всякую необычность. Но разве это так?

...В стороне от рулежных дорожек стоит лайнер «ТУ-104». Рассвет только начинается, но вокруг лайнера кипит работа: аэродромы не знают ночного сна.

Когда будет ясно, что лайнер в отличной форме, ему определят маршрут и экипаж. Подойдет грузовик-заправщик с цистерной, и «ТУ» примет в баки горючее. А

Экипажи командиров кораблей С. Д. Метелкина и Героя Советского Союза И. И. Рыжкова летают на Кубу.

пока он заправляется, две милые девушки-стюардессы беспокоятся о пассажирах: надо получить и принести продукты для завтраков, термосы с компотом, конфеты.

Настает урочная минута, и экипаж занимает свои места. Командир корабля и второй пилот садятся в кресла слева и справа, надевают наушники, прилаживают микрофоны. Штурман устраивается в прозрачной кабине в самом носу самолета, включает локатор и берет в руки логарифмическую линейку. Радист за своим столиком позади пилотов кладет пальцы на рукоятки аппаратуры и настраивается на аэродром назначения.

Прогреты моторы. Ожили разноцветные сигналы и стрелки бесчисленных циферблатов приборной доски. Все готово. Командир запрашивает диспетчерскую:

— Я борт «тринадцать шестьдесят четыре»! Прошу разрешения на взлет.

Через пять минут борт «13-64» жадно набирает высоту, чтобы войти в свой эшелон — определенный ему расписанием воздушный коридор — и лечь на курс.

Ни на минуту не прекращается связь самолета с землей. Ни на секунду не отрывает глаз от экрана локатора и от шкалы логарифмической линейки штурман, чтобы пилоты в любое мгновение могли знать, в какой точке находится машина.

Проходит два, или три, или четыре часа, и такие же бережные и строгие диспетчерские руки, из каких был выпущен лайнер в воздух, примут его на аэродроме в конце полета.

Все, казалось бы, очень просто, но эта простота складывается из большой точности и высокой технической культуры. Пилоты, штурманы, механики, радисты, синоптики, диспетчеры, стюардессы — и не одни лишь эти воздушные профессии необходимы, чтобы пассажиры летали быстро, удобно и надежно. И нужны машины такого высокого класса, как «ТУ», «ИЛы» и «АНы».

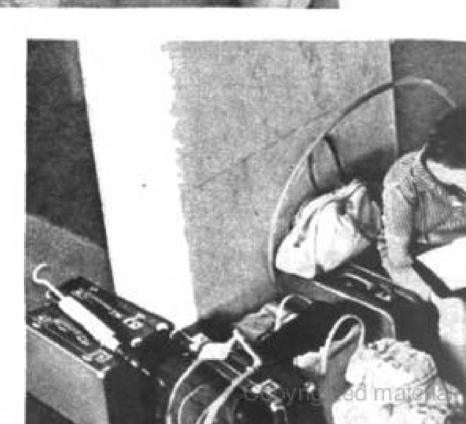
Все это есть у нас. И потому каждый имеет возможность, позавтракав во Владивостоке, поужинать в Москве.

...От пассажира же требуются лишь две вещи: купить билет и не опоздать на аэродром. Правда, завзятые авиапассажиры скажут, что в процедуре приобретения билета и оформления багажа подчас встречаются ненужные сложности, а в аэропортах бывают поводы для жалоб,— это так. Но, право же, судьба авиапассажира в этом смысле ничуть не горше судьбы пассажира железнодорожного.

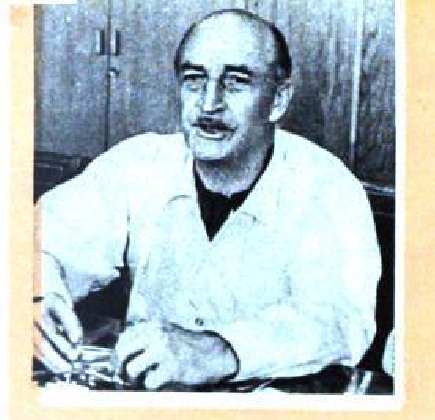
Послезавтра — День воздушного флота. И пусть все, кто в этот день ступит на борт самолета, поздравят его хозяев. А оставшиеся на земле помашут рукой летящим в небе.

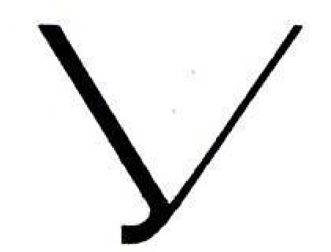
На линии Москва—Новосибирск вы можете стать гостем двух милых воздушных хозяек — стюардесс Инны Кузнецовой (справа) и Зины Леоновой.

Каждый ждет по-своему.

В редакции нашего журнала побывал известный австралийский писатель Алан Маршалл. Он рассказал нам о своих впечатлениях от поездки по Советскому Союзу.

У ВАС

Я мог бы без конца говорить о красоте ваших городов. Прежде всего меня поражает ваше великодушное отношение к пространству — ширина улиц, длина бульваров, огромные дворы с зеленью.

В капиталистических городах все эти сады и бульвары не нужны, потому что на их месте можно построить дома и извлекать прибыль. В западных городах все время идет борьба прогрессивных людей за сохранение парков, бульваров, зелени, и эта борьба не прекращается. Один из самых крупных парков, «Альберт-парк», недалеко от Мельбурна, частично уже был вырублен. Народ запротестовал. Парк удалось спасти.

Больше, чем о городах, мне, конечно, хочется поговорить о людях, с которыми я встретился в Советском Союзе.

Атмосфера страны, в которой я живу,— это капиталистическая атмосфера. Мы в западном мире часто живем не представлениями о живых людях, а представлениями о шаблонах. У нас для каждого человека в обществе выработался какой-то определенный шаблон, штамп, стандарт. Если вы говорите о парикмахере, то вы имеете определенный шаблон парикмахера, если о мяснике или поэте — то же самое. Директор компании должен вести себя по определенному шаблону и должен говорить определенным образом. У нас даже говорят «типичный парикмахер», «типичный писатель», «типичный мясник», «типичный директор» и т. д.

И так как в нашем мире царит шаблон, то многие стараются даже как-то подгонять себя под него.

В Советском Союзе я попытался найти подобные шаблоны. Когда по приезде в Москву я пошел смотреть «Лебединое озеро» во Дворец съездов, то я увидел в этом огромном дворце множество людей. И вдруг почувствовал, что я смотрю не на какие-то шаблоны, а на живых людей.

В Мельбурне, особенно если бывает премьера, богатая публика приходит показывать свои костюмы и драгоценности. Глядя на них, вы можете точно определить: этот — директор, а вот этот — мелкий служащий.

У нас в Австралии есть журнал, который при поверхностном взгляде похож на «Огонек». Называется он «Народ». Недавно в этом журнале была опубликована статья, и в ней на двух страницах подробно излагалась важность каждой профессии в обществе. Это была, так сказать, социальная лестница, показывающая, кто занимает в обществе какое место. Лестница была разделена на четыре части.

К первой группе были отнесены люди, которые занимают самое высокое положение в обществе, те профессии, которые наиболее уважаемы. Это премьер-министр, министры, судьи, члены парламента.

Во второй группе сверху — художники. Почему? Сейчас в Австралии моден абстракционизм, и близкие к абстракционизму художники — модные художники.

Самую последнюю графу занимают писатели. После них — только мусорщики и ассенизаторы.

Почему же писатели были помещены совсем внизу?

Дело в том, что модные художники-абстракционисты никому не опасны, они никого не «обижают», они безвредные люди для правительства, и бояться их нечего. Писатель же может быть очень опасен: он может раскритиковать, разоблачить, пригвоздить.

Теперь я возвращаюсь к «Лебединому озеру». Я, конечно, не знал, как оценить зрителей, которые пришли смотреть балет. Мне казалось, что они слишком похожи на меня самого. Я искал, но не нашел эту «первую группу на социальной лестнице», занимающую самое важное положение в обществе.

Исполнители в балете стремились танцевать как можно лучше. Они это делали не потому, что им платят большие деньги, а потому, что они видели, что аудитория все понимает и следит за их игрой. И хотя я восхищался балетом, но больше всего меня восхищали зрители: то, как они воспринимали балет, как они умели ценить его. Никто из зрителей не аплодировал из вежливости. Только тогда, когда действительно было на сцене что-то особенно замечательное, зрители аплодировали. Никто не оглядывался на соседа, чтобы реагировать на ту или иную сцену. И я понял, что оценка ваших зрителей — самая объективная и правильная оценка. Казалось, будто все они настоящие критики, ценители искусства. Это были люди, воспитанные обществом, строящим коммунизм, люди, понимающие искусство.

Мне говорили, что революция в Советском Союзе дала каждому человеку чувство собственного достоинства, независимо от того места, которое он занимает на «социальной лестнице». Меня это качество, действительно, поразило — качество абсолютного равенства.

Когда мы вошли в самолет, напротив нас сидели шесть колхозников. На одном из них была узбекская тюбетейка, напротив меня сидел загорелый, сильный, мужественный русский человек. Еще один пассажир был довольно полный, добродушный, обладающий, видимо, большим чувством юмора. Они смотрели мне прямо в глаза, разговаривали со мной спокойно, не испытывая никакого чувства застенчивости.

Во время полета зашел разговор о том, в какой из республик Советского Союза лучше всего танцуют и поют. Каждый из пассажиров заявлял, что именно в их республике, в их городе поют и танцуют лучше всего. Поднялась какая-то женщина и сказала: «Вот у нас танцуют и поют — так это да!» Это была женщина из Ферганы, и многие с ней согласились. Узнав, кто я и откуда, она пригласила меня в Фергану, чтобы я сам убедился, как у них хорошо танцуют и поют. Короче говоря, во время встреч с советскими людьми я увидел в них огромное тепло, чувство товарищества друг к другу и ко всем остальным людям.

Я по своему складу романтик. Максим Горький тоже, мне кажется, был романтиком. Это не значит, что я хочу потерять из виду действительность, ни в коем случае! Но для меня действительность замечательна.

Когда я попал в Узбекистан, то поехал в Голодную степь. Чингисхан прошел по этой пустыне, и Тамерлан прошел через нее, но сотни лет люди старались избегать этой негостеприимной, сухой земли, лишенной воды и жизни.

Та Голодная степь, которую я увидел, которой коснулась рука советского человека, превратилась в райский сад. Огромные поля хлопка раскинулись на ней, и каналы, которые проведены в Голодной степи, больше, чем самая большая река в Австралии. Вся степь зеленая. В колхозах и совхозах растут чудесные фрукты. Было время, когда ни одна птица не могла пролететь Голодную степь, а сейчас она звенит от птичьих голосов.

Освоение Голодной степи — один из величайших подвигов советских людей, это почти невероятно, это почти чудо!

Главный инженер строительства в Голодной степи рассказал мне, как они работают. На меня он произвел впечатление сильного человека, который знает свое дело и у которого есть воображение. Когда я смотрел на него, я все время думал: вот продукт советского воспитания, настоящий человек. Он рассказал мне о новых методах борьбы с засолонением почвы, о том, как каналы берутся в специальные трубы, как

Алан МАРШАЛЛ

Ее поцеловать?!

Во время кризиса в 30-е годы в Австралии я жил на случайной квартире вместе с другими людьми литературы и искусства. Среди нас были художники, поэты, писатели. Мы жили на большом чердаке. Все смотрели друг на друга как на гениев: мы были добровольным обществом по взаимному восхищению. Все соблюдали неписаное правило: восхищаться тем, что сделает или напишет другой. Это было огромное уважение друг к другу, которое, конечно, не выходило за пределы чердака.

Бедны мы были до чрезвычайности. Если кому-нибудь перепадал фунт стерлингов, мы немедленно тратили его на еду.

В это время в Австралии существовал один еженедельник, которому из-за конкуренции трудно было удержаться на поверхности. Редактор этого журнала долго ломал голову над тем, как найти способ поднять его тираж. Ему хотелось, чтобы его еженедельник приобрел репутацию серьезного журнала, который вносит значительный вклад в жизнь австралийского общества. В действительности же это был обыкновенный желтый листок.

Наконец редактор придумал. Журнал широко разрекламировал: «100 фунтов стерлингов за лучший рассказ австралийского писателя!» Никогда еще в истории Австралии такой большой премии за рассказ не давалось. Это был первый случай в истории нашей страны. Все объяснялось тем, что журнал был на грани банкротства, ему было все равно: на 100 фунтов стерлингов больше пойдет из кармана кредиторов... (Позднее я заметил: когда какой-нибудь

— 1 —

В ГОСТЯХ

бурят почвы для того, чтобы отводить засолоненные воды, и т. д. Этот человек отличался тем свойством, которое я заметил у многих советских людей. В Советском Союзе им обладают все люди, умеющие по-настоящему мыслить и работать.

Это качество присуще детям. Не отсутствие опыта или знаний — не об этом я говорю,— это качество ребенка, который смотрит на будущее как на что-то прекрасное, всегда ждет от будущего еще и еще более прекрасного.

Это качество я видел и у писателя Маршака. Когда я разговаривал с Маршаком, я чувствовал, что передо мной сидит чрезвычайно значительный, интересный, большой человек, по-настоящему большой человек.

Маршаку все казалось чудесным, казалось, что будущее беспредельно, каждый день принесет что-нибудь новое, замечательное.

Цветок для ребенка, который он видит первый раз в жизни,— чудо. После того, как он видит цветы много раз, они начинают терять свое чудесное обаяние. Но для настоящих, больших людей, таких, как Маршак и многие другие советские люди, прекрасные явления, невзирая на то, что они встречаются часто, не теряют своей свежести.

В своей жизни мне приходилось встречать много калек. Можно сказать, что между нами, калеками, во всем мире возникают особые отношения солидарности, официально не оформленный клуб, товарищество. Это отношение основано на глубоком знании и переживании другого. Я знаю, что, когда человек на костылях смотрит на улицу, он видит каждую малую возвышенность, каждую ямку, он видит, какое это расстояние, какие трудности встретятся на, казалось бы, ровном тротуаре или мостовой. Например, для меня — человека на костылях — пройти 100 ярдов — это огромное расстояние.

В западном мире калеки — это меньшинство, к которому относятся с некоторым пренебрежением и с опаской. Крепкому, здоровому человеку на Западе смотреть на калеку неприятно: он представляет себя на костылях, и ему делается страшно. Калеки, которых я встречал на Западе,— это обычно очень одинокие люди. Им нужно бороться за то, чтобы иметь друзей.

И вот я в Братске у Бориса Гайнуллина. Он встречает меня в кресле-коляске и приглашает пройти к столу. По его лицу, по широкой улыбке, по выражению его глаз я понял, что этот человек нашел свое место в обществе, он часть этого общества, неотъемлемая его часть. Я подумал: какой духовной силой должен был обладать этот человек, чтобы так мужественно принять то, что с ним случилось!

После того, как я поговорил с Гайнуллиным, я понял, что это не только его качество, это — качество общества, в котором он живет. Когда он лишился возможности ходить, для его друзей это было так же, как будто они сами претерпели это несчастье. Поэтому огромное бремя, которое должно было пасть на его плечи, пало на плечи сотен, тысяч, миллионов других людей. Для Гайнуллина, человека советского общества, не было ничего удивительного в том, что его друзья и товарищи, все общество относятся к нему так же, как и прежде.

Я сказал ему: «Ты счастливый человек». И он меня понял.

Гайнуллин начал жизнь молодым, сильным и красивым, он был бригадиром лучшей бригады, он чудесно работал, получал от этого радость, это была чудесная жизнь.

Это прошлая жизнь. Она кончилась. Теперь он начинает новую жизнь, не менее замечательную. Сейчас он много читает, учится и хочет стать писателем. У него еще больше друзей, и он не представляет себе, что такое одиночество.

Я хотел бы закончить свой рассказ небольшим эпизодом, который для меня олицетворяет Советский Союз.

В аэропорту в Москве я видел мать, которая вместе с маленькой дочкой ждала самолета. Для меня эта мать символизировала матерей всего мира. Она с любовью смотрела на свою дочку, которая вела себя, как все дети, довольно беспокойно, шалила, бегала вокруг матери. А потом девочка стала петь. Подняла глаза к небу, ясным, чистым голоском она запела, как малиновка:

Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо...

Перевод с английского
О. КРУГЕРСКОЙ

журнал или газета преуспевает, они не платят авторам большие деньги.)

Я решил, что мне необходимо добиться этой премии, хотя к этому моменту меня еще никто ни разу не печатал. Но я понимал, что редактор получит множество рукописей, и читать их все он не сможет. Получить премию за этот рассказ — все равно, как выиграть по лотерейному билету.

Услышав о сумме премии, все голодные писатели Австралии устремили потоки рассказов на стол незадачливого редактора. Все начали писать рассказы для его журнала.

Я рассчитал, что единственный способ получить премию — придумать такое заглавие рассказа, мимо которого не может пройти ни один редактор. Ведь читать рассказы он не будет, а просмотрит одни заголовки.

В окружении моих бородатых компаньонов по чердаку я сидел и целый вечер придумывал сногсшибательный заголовок. И, наконец, я придумал. Заглавие это — восклицание человека, который хвастливо говорит приятелям о девушке: «Ее поцеловать?! Уж я-то — будьте покойны!»

Я решил, что ни один редактор не останется равнодушным к этому заголовку. Мои приятели даже начали поздравлять меня, как будто бы я уже получил премию. Теперь мне оставалось только сочинить сам рассказ...

И я написал рассказ, который, по правде говоря, к этому заглавию имел отношение весьма косвенное. Там только в разговоре одного приятеля с другим между прочим произносится эта фраза. Но заглавие рассказа я написал большими красными буквами: «ЕЕ ПОЦЕЛОВАТЬ?! УЖ Я-ТО — БУДЬТЕ ПОКОЙНЫ!»

Премию я получил. Но только через несколько месяцев узнал, каким образом все это произошло.

Известная австралийская писательница Джин Дэвани пришла к редактору упомянутого журнала, когда он сидел за столом, засыпанный рукописями. Выглядывая из-за груды рукописей, он простонал:

— Я совсем схожу с ума! А они все присылают и присылают. Рассказы, рассказы, рассказы... Ха, посмотрите-ка, что это за рассказ? «Ее поцеловать?! Уж я-то — будьте покойны!».

Он вытащил этот рассказ из груды бумаги, а остальные тут же приказал отослать по адресам обратно.

Что произошло дальше?

Брюки у меня просвечивали, пиджак был дырявый, разодранный на локтях. С чеком в кармане я выскочил из мансарды и пошел в самый большой модный магазин

Мельбурна. В один час я истратил почти все деньги, все сто фунтов!

Я купил себе самые дорогие кожаные перчатки, самое лучшее шотландское пальто, чудесные пестрые носки, модные туфли, заграничный роскошный костюм, итальянское кашне, тирольскую шляпу с птичьим пером... Я представлял собою странную помесь чемпиона-горнолыжника, светского хлыща, охотника и шотландца. Меня не интересовала гармония, мне нужно было произвести впечатление. Я выглядел человеком преуспевающим. Это был бизнес.

Я направился прямо в редакцию самой большой газеты Мельбурна, вошел в роскошную приемную и сказал секретарше, что мне нужно видеть сэра Джона. Редактор носил дворянский титул.

Секретарша спросила:

— Как о вас доложить?

— Скажите, что моя фамилия Маршалл. Я проездом в Мельбурне и хотел бы повидать редактора. (Мне уже приходилось слышать, что если кто-то в городе проездом, то он заслуживает большего уважения, чем местный житель.)

Секретарша доложила редактору, вернулась и любезно пригласила меня в его кабинет.

Я вошел в кабинет сэра Джона, не спеша снял свои дорогие перчатки, потом снял роскошное пальто, итальянское кашне. В интересах своего будущего я мог бы раздеваться и дальше. Во всяком случае, я хотел, чтобы он видел, что на меня было надето 100 фунтов стерлингов... Это возымело свое действие. Мистер Джон спросил, чем он может быть полезен.

Я сказал, что, будучи проездом в Мельбурне, я подумал: может быть, редакция захочет что-нибудь заказать мне?

— О чем вы хотели бы писать?— спросил редактор.

Я сказал:

— Все, что угодно, у меня несколько свободных дней.

— Очень хорошо,— сказал редактор,— сейчас я позвоню заведующему отделом, и он назовет вам тему.

Я встретился с заведующим и сказал ему, что сэр Джон предложил мне написать что-нибудь для газеты. Заведующий попросил меня написать серию статей о гастролировавшем тогда в Мельбурне цирке.

Я написал эти статьи. Газета напечатала их.

С тех пор мне не приходилось быть в родном городе проездом.

«Всегда благодарю»

ИГОРЬ ПЕТРОВИЧ И ЛИДИЯ ПАВЛОВНА ЧУЛКОВЫ.

Год 1944-й.

Год 1964-й.

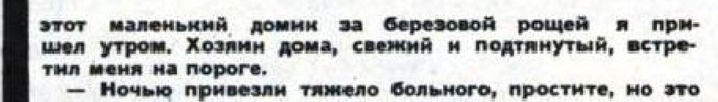
— БОЛЬШЕ НЕ БОЛЕЙ, ОЛЕНЬКА.

– НУ ВОТ, БАТЕНЬКА, МЫ И ПОПРАВЛЯЕМСЯ.

РЕПОРТАЖ

Александра УЗЛЯНА

В этот маленький домик за березовой рощей я пришел утром. Хозяин дома, свежий и подтянутый, встретил меня на пороге.

— Ночью привезли тяжело больного, простите, но это меняет мои планы, через час операция.

Так началось мое знакомство с сельским врачом Игорем Петровичем Чулковым.

— Будете ждать меня здесь или пойдете со мной в больницу?

Мы пошли вместе.

В операционной тишина, нарушаемая приказами хирурга: «Скальпель, еще скальпель». А за окном знойное лето, веселое солнце и белые березы у пруда. Но сейчас человек, лежащий на операционном столе, лишен всего. Ничего он не видит и не чувствует. Жизнь его угасает. И нужно, очень нужно вернуть его к свету, солнцу, березам... Операция идет долго, трудно. А после, когда хирург молча и тщательно мыл руки, он, не глядя в мою сторону, сказал:

— Извините, но у меня еще одна операция. Знаете, только что узнал — девочка, несчастье. Мы обязательно поговорим, и, конечно, за чаем и с вареньем. Вы какое варенье любите? — И, не дожидаясь ответа, как бы про себя, сказал: — Хорошо бы малиновое, с крепким чаем... А?

Кончилась и эта операция, но чая все не было, и варенья тоже не было, и никакого разговора не состоялось. Игорь Петрович Чулков продолжал свой обычный рабочий день. Надо обязательно побывать в палатах у своих больных: как они там, как провели ночь, как температура и самочувствие? И он ходит по палатам, наклоняясь к постелям, щупает пульс. Кладет на лоб больного свою большую теплую руку и ласково говорит:

— Ну вот, батенька, и на поправку дело пошло.— И улыбается, но только глазами.

Больной тоже улыбается и говорит:

— Спасибо, доктор!

Когда кончился обход, у маленького, скорее крошечного, кабинетика его ждали новые больные, которые пришли к нему из соседних деревень — Мясоедова и Телятинок, Головинок и Грумана. Они пришли к своему доктору за советом и исцелением. И прием этот начинался как-то необычно: с поклонов от Михеича, и с сердечных приветов от Тихоновны, и рассказов о здоровье Катеньки. А потом доверительно и обстоятельно больные рассказывали ему о своих недугах и, заглядывая ему в глаза, ждали совета.

Поздним летним вечером мы сидели на терраске маленького дома, пили чай с малиновым вареньем. Доктор все спрашивал у меня о московских новостях, а потом восторженно рассказывал мне о Смоктуновском в роли Гамлета. А когда я попытался выспросить его о чем-нибудь личном, он помолчал, как будто приготовясь рассказывать, и сказал:

— Что же говорить? Ведь вы все видели, и вот так каждый день: лечим, оперируем, делаем, что можем,— и не я один, вот и Лидия Павловна, жена моя, тоже лечит и варенье успевает варить. Вот о ком подробно написать надо — так это о докторе Татьяне Александровне Сироте, и еще о докторе Лагеревой, и про Вишину не забудьте, а если можно, про меня напишите, что я ученик профессора Александра Васильевича Вишневского, и это я всегда помню и горжусь этим.

Незаметно уходил вечер, и было жаль: так уютно сидеть рядом с этими скромными и милыми людьми, сельским врачом Игорем Петровичем Чулковым и его женой медицинской сестрой Лидией Павловной.

И мне хочется повторить слова из письма одного пациента Игоря Петровича, Аркадия Колдаева: «В моей памяти Вы остались как лучший из людей, которых я знал... Я понял Вашу благородную душу. Понял, почему к Вам привязываются люди с первого взгляда. Часто вспоминаю Вас и всегда благодарю. Преданный Вам...»

Ясная Поляна.
Тульская область.

ПО ВЫЗОВУ.

Матвей Васильевич Фролкин.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ!

Восемьдесят лет я прожил на белом свете и до сих пор не перестаю удивляться. Удивляться людям, которые переделывают землю, жизнь, удивляться всему, что тебя окружает. Новое приходит в наш дом каждый день, каждое утро просыпаешься и видишь какие-то изменения. Они, эти изменения, повсюду. Я помню, как мы восхищались первым трактором в годы коллективизации, каким чудом была для всех нас лампочка Ильича.

Потом эти чудеса стали привычными, домашними, и теперь без них мы не представляем свою жизнь. Выходишь утром на улицу своего села и видишь, что она та и не та. Та потому, что стоит на старом месте, а не та потому, что далеко шагнула вперед и нынешний колхозник совсем не похож на забитого мужика. В дома пришло счастье, пришла культура. Сколько лет нашему селу? Наверное, не одна сотня. И называется оно странно — Пеньки. А название это вот откуда. Когда-то, очень давно, на этом месте был густой, темный лес помещика Полтева. Лес был дубовый. Барин приказал лес вырубить и на этом месте возводить постройки. Дома ставили на пнях, отсюда и название — Пеньки. Потом к этому слову прибавилось другое — Полтевы, и стало — Полтевы Пеньки. Это значит, что крестьяне были крепостными помещика Полтева. Трудно жили крестьяне, земли у них было очень мало. Станет, например, мужик пахать свою полосу сохой, нужно ему развернуться на конце, глядишь, а лошадка сделала шаг-другой и уже нарушила межу.

Маялись люди невыносимо. Хлеба хватало лишь до нового года. Зато помещик Полтев имел пашни и лугов столько, что глазом не окинешь.

Арендовать помещичью землю не все могли: нужна была тягловая сила и деньги, а у крестьян ни того, ни другого не было. Все это происходило на моих глазах. Помню, как волостной старшина и урядник сводили со двора крестьянина единственную кормилицу — корову за неуплату оброка и податей в сумме шести целковых. А ребят в таких домах было много, и все мал мала меньше. Слезы, крик, стоны разрывали душу. В селе не было школы, а о больнице и говорить нечего. Свирепствовали тиф, скарлатина, дифтерия, болезни нещадно косили людей, особенно детей. Я сам схоронил шестерых своих малышей. Была у нас лекарня, где работал фельдшер, но она находилась в 18 верстах, на хуторе Вышур помещика Неклюдова. А лечиться тоже там не все могли: не на чем ездить, да и платить было надо. Больше половины жителей села, задавленных нуждой, уходило на заработки на Волгу, Каму, Иртыш, а остальные батрачили у помещика. И вот когда вспоминаешь об этом, представишь все, что видел и пережил, душа леденеет. И сильнее начинает биться сердце от сознания того, что ты живешь в другое время, в наши светлые дни.

Как же не гордиться нашей Советской властью! Даже сличить нельзя проклятое царское, старое с новым. Это все равно что сравнить осеннюю, дождливую, слякотную пору с ярким, солнечным, майским, весенним днем.

Ведь ничего нет похожего. И жизнь не та, а главное, люди изменились. Обновилось, просветлело ныне село, оно стало широким и солнечным.

Теперь в нашем селе Полтевы Пеньки три начальных и одна средняя 11-летняя школа, имеется школа-интернат, построен новый Дом культуры на 500 мест, с пароводяным отоплением.

Хорошая библиотека с 6 тысячами книг, более 160 колхозников являются постоянными читателями, имеется зал передового опыта.

При Доме культуры создан кружок самодеятельности, которым руководит Степан Максимович Фомин. Этот кружок хорошо славится не только в нашем Кадомском управлении, но и в областном центре — Рязани.

Более 30 человек учителей с высшим образованием, они являются уважаемыми агитаторами на селе, ими читаются замечательные лекции на все темы.

Наше село полностью освещается электросветом, в каждом доме имеется радиоприемник.

В селе, в бывшем помещичьем доме, открыта участковая больница, и она хорошо оборудована. Если до 1940 года в нашей участковой больнице с 10 койками был один врач и фельдшер, то в настоящее время о здоровье нашего советского человека заботится много сердечных людей. Взять хотя бы нашего молодого врача Владимира Александровича Сидорова и фельдшерицу-акушерку Марию Николаевну Фомину. А какие замечательные медсестры Шматова Татьяна Ивановна, Гранева Александра Никитична и другие! Прямо скажу — золотые люди! Наш доктор Владимир Александрович Сидоров — это общественный, внимательный человек. Хорошие, деловые отношения установились у врача с правлением колхоза «Животновод», которым руководит депутат областного Совета, Герой Социалистического Труда Николай Николаевич Косарев. По его инициативе расширяется участковая больница. Наш руководитель Косарев — это один из замечательных людей, коммунистов нашего времени.

Много у нас отличных работников. Кукурузовод Шмельков без применения ручного труда вырастил в 1963 году по 350 центнеров зеленой массы кукурузы, Мартианов И. А. и Якунькин И. П. вырастили по 250 центнеров сахарной свеклы на площади более 30 гектаров.

А наш молодой агроном Кирюшкина Екатерина Ивановна! Все свои силы она отдает агрономическому делу.

Обо всех моих прекрасных односельчанах не расскажешь в этом коротком письме.

В нашей стране счастье живет в каждой крестьянской избе, в каждом сердце человека. Светит оно, это счастье, и над нашей деревней Пеньки, и так хочется назвать ее по-нному. Не Полтевы Пеньки, а Солнечные Пеньки.

Матвей ФРОЛКИН, колхозник,
80 лет, село Полтевы Пеньки.

Колхоз «Животновод»,
Кадомского района, Рязанской области.

Солнечные Пеньки

Председатель колхоза Герой Социалистического Труда Н. Н. Косарев.

Агроном Екатерина Кирюшкина.

Матвей Васильевич Фролкин, автор письма, был дома, мы нашли его в небольшом садике. Высокий, худощавый, чисто побрит.

— Из Москвы, из «Огонька»? — удивился он.— А я думал, не обратят внимания на старика. Мало ли дел хороших да больших, обо всем ведь писать нужно.

Матвей Васильевич уже стар, давно пенсию получает, но не уходит от дел, а их на круглый год хватает. Зимой на лыжах присматривает за вывозкой сена: не забыли ли какой стог в лесу, не рассыпали ли по дороге? Интересуется, как сад зимует. Весной и того больше забот. Правильно ли сеют, нет ли огрехов, не испортился ли силос? Да мало ли может дать хороших советов человек, проживший большую жизнь на земле! Еще в тридцатом году, когда организовался колхоз, Матвей Васильевич заведовал хатой-лабораторией. Агрономов тогда в селе не было, вот и занимался он долгие годы агротехникой.

Матвей Васильевич — большой любитель природы. Он и селекционер, и полевод-агротехник, и фенолог. Являясь членом Географического общества СССР, он уже сорок лет регулярно наблюдает за прилетом и отлетом птиц, за развитием садовых деревьев, зерновых культур и трав, помогает определить и сохранить урожаи. За свою деятельность он получил не одну почетную грамоту и памятные медали.

Хорошая, красивая жизнь у человека!

М. САВИН

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие товарищи из Рязанского облисполкома! Посмотрите, может быть, стоит прислушаться к словам старого колхозника М. В. Фролкина и подумать о переименовании его родного села?

Семья кукурузовода Е. Е. Шмелькова (в центре): слева — старший сын тракторист Петр и десятиклассник Николай. Во время летних каникул он работает вместе с отцом и братом.

На одной из улиц села Полтевы Пеньки.

Репетиция
под открытым
небом.

Врач Владимир Сидоров и почтальон Мария Самостаева торопятся на концерт художественной самодеятельности.

Всем классом на работу.

Загадка, проблема, открытие, факт

УВЕЛИЧИВАЕТСЯ ЛИ НАШ МОЗГ?

В течение двух миллионов лет человеческий мозг увеличился в три-четыре раза. Это явилось следствием развития речи и мышления. После такого сравнительно бурного роста дальнейшее увеличение мозга человека замедлилось. Как показали исследования, за последние сто тысяч лет мозг оставался без изменения.

Ученые утверждают, что человеческий мозг будет развиваться и дальше, но его увеличение можно заметить только после нескольких миллионов лет.

•

АВТОМАТ ПРОТИВ ПОЖАРА

Польские инженеры изобрели автоматическое устройство, сигнализирующее об опасности возникновения пожара в рудниках. Если концентрация метана в шахте перейдет границу дозволенного хотя бы на один процент, автомат начинает посылать звуковые и световые сигналы.

•

НОВЫЕ ЛАЗЕРЫ

«Источники света огромной интенсивности! Чудесные лучи, способные прожечь сталь и алмаз, осветить Луну! Новое средство передачи речи и изображения!» Такие сообщения в печати сопровождали открытие квантовых генераторов.

Время броских заголовков прошло. Сейчас ученые заняты будничным делом: они создают все новые и новые типы лазеров.

Недавно появилось сообщение об одной из таких новинок. Это длинноволновые лазеры, опытные образцы которых построены в США.

С помощью длинноволновых лазеров с борта космического корабля можно будет передавать огромное количество сведений: о состоянии здоровья экипажа, о работе приборов и устройств, данные научных наблюдений. По лучу лазера одновременно побегут десятки телевизионных передач, которые расскажут нам о космосе.

У длинноволновых лазеров есть одна ценная особенность. Системы с такими генераторами могут быть использованы для передачи сообщений через область плазмы, которая образуется вокруг космического корабля, когда он входит в плотные слои атмосферы.

•

КАРМАННАЯ ПОДВОДНАЯ ЛОДКА

В Японии сделана маленькая подводная лодка, которая может опуститься на глубину до 300 метров и оставаться под водой шесть часов. Лодки такого типа служат для научного исследования морских глубин.

•

ГОРОД НА МОСТУ

Старый лондонский мост через Темзу восхищал туристов тем, что на нем высились дома. Новый проект также придерживается этой древней традиции. По сути дела, на новом мосту предполагается построить целый городок высотой в семь этажей. Длина моста не очень велика — 295 метров, но здесь разместится комплекс самых различных зданий.

В первом ярусе пройдет автомобильная дорога с шестирядным движением машин. На мост пешеходы поднимутся эскалатором, а затем ступят на подвижный тротуар. Над автострадой будет находиться гараж на 300 автомашин. Над гаражом в стеклянной коробке разместится гостиница на 120 номеров, кафе, ресторан, бар и открытая терраса.

Кроме этого, на мосту будет находиться художественная галерея, открытый театр на 1 000 мест и каток с искусственным льдом.

Быстроходные лифты свяжут между собой все этажи моста.

•

АМФИБИИ БЕРУТ СТАРТ

В ФРГ начали производить автомобили-амфибии для спортивных целей. Недавно на одном из водных путей состоялись первые гонки таких машин. По внешнему виду автоамфибия мало чем отличается от обычного автомобиля, но она хорошо преодолевает водные препятствия.

•

СВЕТ ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДЫ

На околоземной орбите — спутник с астрономической лабораторией. Об этом мечтают астрономы, астрофизики — все, кого волнуют тайны далеких миров.

Излучение, которое несут нам галактики, удаленные от Земли на многие миллионы световых лет, очень слабо. Но оно может многое рассказать о тайнах рождения и смерти звезд.

Орбитальная астрономическая лаборатория, вынесенная за пределы атмосферы, будет оснащена сверхсветочувствительными приборами, которые смогут поймать свет самых отдаленных звезд — единичные фотоны, летящие к нам из глубин космоса.

•

«ЭРА» НАЧИНАЕТ ПРИЕМ

Всего 25 граммов — таков вес радиоприемника «Эра». Его создали ленинградские инженеры.

«Эра» состоит из двух частей: собственно приемника и слухового аппарата. Обе части соединены между собой эластичной пластмассовой дужкой. Приемник одевается на ухо так, что слуховой аппарат — телефон — вставляется в ушную раковину, а корпус располагается за ухом.

На пластмассовом корпусе приемника — два диска: нижний для включения, верхний для настройки. Электропитание дает миниатюрный аккумулятор, который рассчитан на десять часов непрерывной работы. Чтобы перезарядить приемник, надо через специальное устройство включить аккумулятор на ночь в обычную электрическую сеть.

Приемник предназначен только для одного слушателя — того, кто надел «Эру» на ухо.

Вадим СПИЦЫН

Соавтор-дельфин

Не побоимся сказать: это научно-техническое открытие — одно из выдающихся и блистательных в нашем веке.

Кто не любовался стремительным бегом корабля на подводных крыльях! А однажды мы стали свидетелями необычной картины: в порту зачем-то подняли краном «Ракету». Группа озадаченных техников склонилась над ее винтом. Совсем еще новый, он был изъеден, исковеркан неведомой силой. Винт сменили, а через месяц та же история: на его поверхности глубокие каверны.

...Вот неожиданно остановлен гигантский агрегат Волжской гидроэлектростанции. На лопастях турбины, на стальной обшивке рабочей камеры зловещие следы разрушения. Турбина, созданная, казалось бы, на века, не проработала и полтора года.

На высокогорных гидростанциях с большим напором воды и повышенной скоростью вращения агрегатов обстановка еще грознее. Лопасти турбин гибнут там через две-три недели. Словно на убой привозят сюда новые агрегаты. Прочная сталь, способная выдержать взрывную силу снаряда, отступает, сдается под натиском неведомого врага. А для того, чтобы заварить, залатать лопасти только одной турбины и стальную обшивку рабочей камеры, необходимо затратить тысячи часов тяжелого ручного труда электросварщиков. Ремонт агрегата длится 30—40 дней, теряется 700—900 миллионов киловатт-часов электроэнер-

ПРОФЕССОР ИВАН НИКОЛАЕВИЧ БОГАЧЕВ.

гии, 3—4 миллиона рублей летит на ветер. И это лишь одна турбина. А подсчитайте потери в масштабе страны!

Что же это за злобная сила, перед которой не может устоять стальная броня корабельных винтов?

ТАЙНА СЕРЕБРЯНЫХ ПУЗЫРЬКОВ

Человечество столкнулось с этим злобным врагом в начале века, но существует враг вечно. Рушатся неприступные утесы, обдаваемые волнами прибоя. Исчезают в морях горные скалы. Лабиринтами фиордов изрезаны гранитные берега Скандинавии. До недавнего времени считалось, что все это работа ледников и волн. Оказывается, дело не только в вечном прибое. Теперь наукой доказано, что волны сами по себе не сделали бы и десятой доли тех гигантских разрушений, следы которых в самых причудливых формах хранят существующие и погребенные берега морей и океанов.

...Впервые это случилось на английском флоте в начале нашего столетия. Новый эсминец проходил секретные испытания. На нем были установлены мощные двигатели новейшей конструкции. Корабль должен был развить огромную скорость. И развил. Но вдруг стал замедлять свой бег. Двигатели бешено работали, а скорость корабля катастрофически падала. Эсминец завели в док и осмотрели. Оказалось, что винт изъеден глубокими кавернами.

Меняли винты, наклон лопастей — все было тщетно. Словно по пятам шел за эсминцем неведомый хищник, и лишь стоило кораблю превысить дозволенную скорость, вгрызался в винт и калечил его.

Как же выглядит враг, с которым вот уже более полстолетия сражается мировая научно-техническая мысль?

Вспомним простой физический опыт. Поставим стакан с водой под стеклянный колокол и выкачаем из-под него воздух. Вода закипит при комнатной температуре. С понижением давления жидкость рвется, наполняется мельчайшими серебристыми пузырьками. Такие безобидные на вид, они-то и есть злобный враг, так сказать, в комнатных условиях. Процесс образования и исчезновения пустот назвали кавитацией, от латинского слова «кавитас»—«пустота».

Нечто подобное происходит при быстром вращении винта в воде. Возникает перепад давления, жидкость рвется, гидравлические удары обрушиваются на поверхность металла. Они дробят микроструктуру любого сверхпрочного сплава, выбивают, вгрызают его зерна. Кавитация оказалась куда страшнее таких извечных врагов металла, как коррозия. Именно мириады этих серебряных пузырьков, возникающих в вихревых недрах волн, в основном и разрушают неприступные утесы и скалы.

ПЕРВЫЕ СХВАТКИ

Кажется, ни одна еще научно-техническая отрасль не знала борьбы, ведущейся такими обходными маневрами, с затратами таких колоссальных средств, материалов и сил, как борьба с кавитацией. Вначале ученые многих стран пытались, если так можно выразиться, отразить врага лобовым контрударом.

Какими только красками, лаками, полимерными пленками не покрывалась поверхность гидродеталей! Но все напрасно. Рано или поздно гидравлическая сила серебряных пузырьков вгрызалась в недра металла. Тогда стали искать обходные пути.

Самое простое — уменьшить скорость вращения гребных винтов, лопастей гидротурбин. Но тогда резко падает их мощность. Значит, надо увеличить размеры винтов и агрегатов. Это, казалось бы, логически разумное решение завело гидростроителей в новый тупик, и путь к нему обошелся неисчислимыми потерями труда и металла.

Так, современная гидротурбина достигает размеров 4—5-этажного дома! А ее вал делает всего лишь один оборот в секунду. Но творцы гидротурбин не считаются с огромными затратами. Главное — обойти кавитацию. А она не хочет, чтобы ее обходили. Чуть повысится режим вращения — и пошла калечить лопасти и обшивку.

Строить агрегаты еще больших размеров? Но везде же есть предел! Неужели тупик?..

ПО ПАТЕНТУ ПРИРОДЫ

Несколько лет тому назад проблемой борьбы с кавитацией занялся профессор Уральского политехнического института Иван Николаевич Богачев. Он не мог мириться с мыслью, что от кавитации гибнут мощные винты и лопасти, изготовленные из первоклассных металлов. Кроме того, кавитация обнаружила себя в новых областях — в моторостроении, в авиации.

Долго и тщательно знакомился Иван Николаевич с тем, что накопила мировая практика. Анализ работ показал, что борьба с кавитацией идет или по линии защиты металла различными пленками, или за счет уменьшения скорости вращения агрегатов. И то и другое направление имело самые скромные, зачастую случайные успехи. Нужно было искать какой-то свой, новый путь, взглянуть на явление с необычной стороны.

Начались первые опыты, первые пробы, первые разочарования.

Но как-то Иван Николаевич Богачев обратил внимание на такой, казалось бы, незначительный факт. Дельфины — одни из самых быстроходных обитателей моря. С поразительной скоростью — 10 метров в секунду — движутся они под водой. На поверхности их тела вскипают кавитационные бури колоссальной силы. Будь на месте дельфина агрегат, его уничтожило бы в мгновение ока. А дельфинам нипочем! Природа прикрыла их каким-то надежным щитом.

И вот, металлург по профессии, Иван Николаевич обращается вначале к гидравлике, а затем к биологии. Изучение дельфиньей кожи показало, что ее своеобразное строение служит надежным амортизатором при кавитационных ударах, кожа как бы глушит их.

А нельзя ли создать такую структуру стали, которая хотя бы отдаленно напоминала микростроение дельфиньей кожи, по своей прочности приближалась бы к алмазу, а по эластичности — к резине? Мечта была так заманчива и в то же время казалась почти несбыточной.

Иван Николаевич предположил, что защиту нужно искать в строении металла. Ученый и его помощники углубились в микромир сталей.

Вначале И. Н. Богачев решил установить строгую научную закономерность разрушения различных металлических структур. В стенах лаборатории начались исследования. На специальном стенде, создающем условия возникновения особенно интенсивной кавитации, проходили испытания сотни образцов самых различных металлических сплавов. В лабораторных условиях варили все новые сорта стали, прокатывали, шлифовали. Резали на пластинки, обрушивали на эти пластинки бури кавитации. Все та же картина: даже на самых прочных — зияющие каверны.

Но каждый опыт помогал ученым все глубже познавать закономерности микростроения металла. Оказалось, что кавитация весьма по-разному действует на различные сплавы. У одних гидравлические удары выкрашивают зерна целиком, у других — разрушают сами зерна. А результат один и тот же: сталь погибла.

И снова поиски, пробы, разочарования...

В один из будничных дней на стекло лабораторного стола звонко легла пластинка. Она прошла самые жесткие испытания кавитационных бурь, находилась на стенде несравнимо большее время, но ее зеркальная поверхность была цела-целехонька! Это был первый успех, первый за долгие годы кропотливого труда.

УКРОЩЕННЫЙ ВРАГ

Чем же отличалась эта пластинка от своих предшественников, погибших в неравных схватках?

Перед нами срез пластинки-победительницы. Структура нового сплава резко отлична от всего ранее виденного: причудливые нагромождения так называемых мартенситовых игл. Эти микроиглы и защищают поверхность стали от натиска пузырьков.

Зрительно и упрощенно микроскопический бой пузырьков и зерен выглядит так. Присел пузырек на зерно, взорвался, обрушив гидравлический удар. А зерну удар нипочем. Под воздействием удара оно выбросило кристаллическую иглу. Чем больше ударов, тем длиннее иглы. Иглы растут, пересекаются. И вот, словно кольчугой, покрыли они часть поверхности. Пузырькам эту кольчугу уже не взять. Они соскальзывают с иголок и со склонов их нагромождений.

Дальнейшие испытания показали, что новая сталь обладает поистине чудесным свойством. Под ударами кавитации она становится еще прочнее, закаляется. Там, где произошел гидравлический удар, рождается особая форма кристалла. Даже невооруженным глазом видно, как на поверхности новой стали, подвергшейся ударам кавитации, выстроились мартенситовые иглы, напоминающие узоры мороза на стекле.

Это была победа!

...Со дня создания кавитационностойкой стали прошло около трех лет. Ленинградский совнархоз освоил ее производство. Уже давно на Братской ГЭС безостановочно работает агрегат, защищенный «КС». На лопастях и обшивке камеры ни одного изъяна, тогда как соседние агрегаты, из обычной стали, останавливаются на ремонт каждые 6—8 месяцев.

Принято решение одеть в кавитационностойкую броню агрегаты Каунасской ГЭС, гидростанций на Волге — имени XXII съезда КПСС, имени В. И. Ленина, ряда высокогорных станций.

Так промышленные испытания подтвердили расчеты ученых.

И снова мы в лабораториях, где трудятся создатели чудесного сплава. Гудит неостановимо стенд. Жестким испытаниям подвергаются все новые образцы. На этот раз перед нами бронзовая пластинка. Ее поверхность изукрашена уже знакомыми иглами. Ведутся работы по защите самых различных металлов от кавитации. Недалеко время, когда броня, сплавленная из металла и мысли, надежно прикроет уязвимые детали современных турбин.

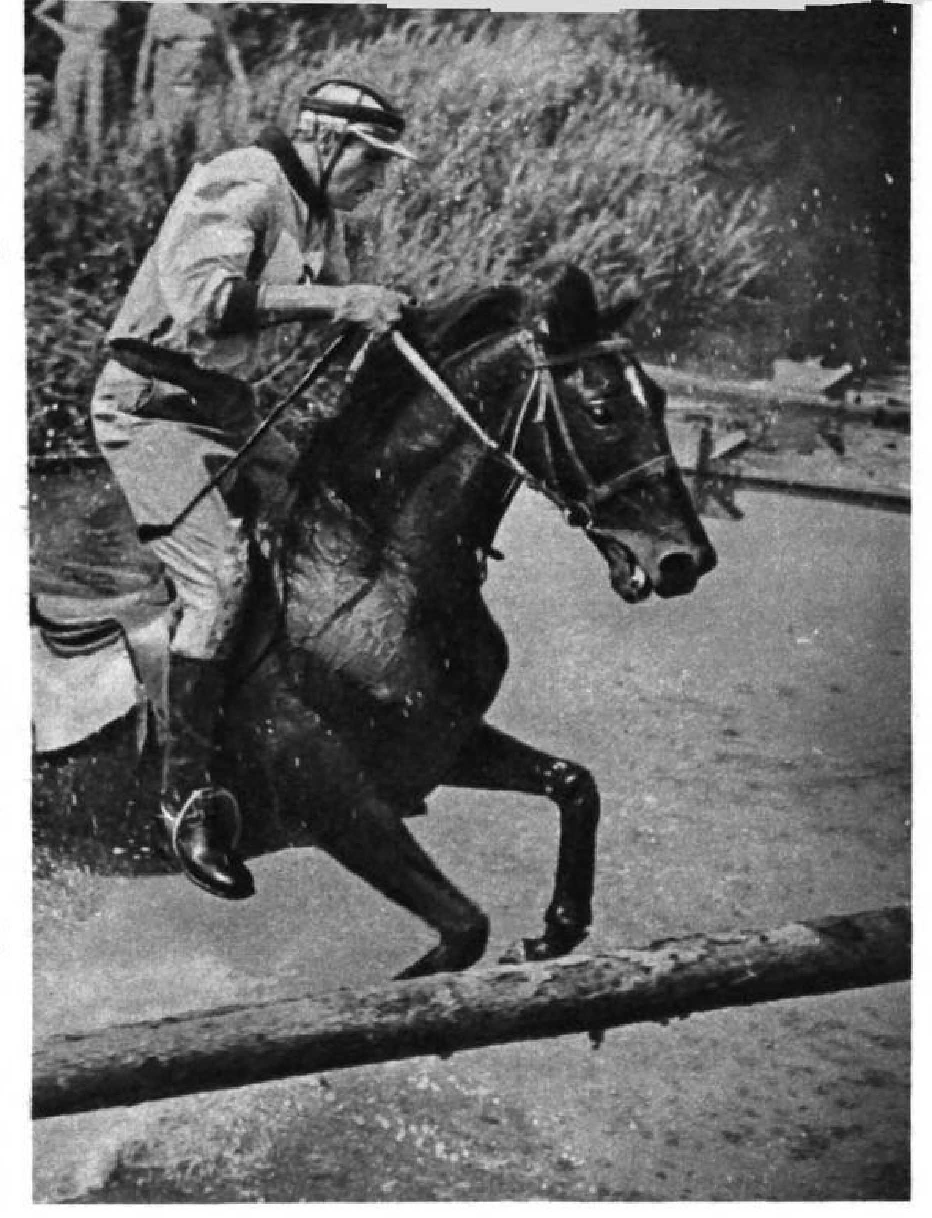
НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Что это? Заросли папоротника? Расцветка новой ткани? Полотно экспрессиониста? Так выглядит при увеличении поверхность новой кавитационностойкой стали «КС».

На верхнем снимке: в лаборатории профессора Уральского политехнического института И. Н. Богачева. Научный сотрудник Дмитрий Родионов проводит механические испытания нового материала.

На нижнем — деталь гидромеханизма из обычной стали, испытавшая удары кавитации.

И. НОВИКОВ НА ДИСТАНЦИИ КОННОГО КРОССА.

Фото Л. Бородулина.

5284 –

ТАКОВА СУММА ОЧКОВ, НАБРАННАЯ ЕРЕВАНЦЕМ ИГОРЕМ НОВИКОВЫМ НА НЕДАВНЕМ ЧЕМПИОНАТЕ СССР ПО ПЯТИБОРЬЮ.

ЭТОТ РЕЗУЛЬТАТ ДЕЛАЕТ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО СПОРТСМЕНА, ЧЕТЫРЕХКРАТНОГО ЧЕМПИОНА МИРА ПЕРВЫМ КАНДИДАТОМ НА ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ В ТОКИО.

ПЯТЬ перевоплощений

А. САЛУЦКИЙ

«Официальная» легенда возникновения современного пятиборья довольно романтична. Она повествует о молодом офицере, которому генерал поручил доставить в штаб срочный пакет. Вскочив на первую попавшуюся трофейную лошадь с дурным характером, юноша пустился в бешеную скачку. Он отчаянно пришпоривал коня, надеясь быстро проскочить опасный участок фронта, но все же не миновал засады. Лошадь убита. Офицер окружен врагами. Однако он не растерялся — проложил себе дорогу шпагой и пистолетом. Но впереди новое препятствие — река. Посыльный переплывает ее, остаток пути совершает бегом и доставляет пакет.

Естественно, генерал оценил мужество и находчивость своего подчиненного, заявив во всеуслышание, что все офицеры должны быть такими. Именно поэтому окончательно сформировавшийся в конце минувшего столетия новый вид спорта вначале назывался офицерским многоборьем. Лишь в 1948 году, после многочисленных требований и петиций, к соревнованиям по пятиборью решили допускать всех. Но это произошло только через 36 лет после того, как современное пятиборье вошло в программу олимпийских игр.

Такова новейшая история этого гибридного вида спорта, чьи приверженцы по праву славятся наиболее гармоничным физическим развитием. Однако еще за семь веков до нашей эры греки увлекались пентатлоном — пятиборьем древности. Конечно, оно совсем не похоже на современное, тем не менее спортивный комплекс, состоявший из бега на один стадий — 192,27 метра, метания дротика и диска, прыжков в длину и борьбы, вполне можно считать пращуром современного пятиборья.

...Итак, через час старт. Пятиборцы обступили судей, проводящих жеребьевку. В сторонке, метрах в ста, сгрудились лошади. Одни из них нетерпеливо бьют в землю копытами, трубно ржут, другие меланхолично переминаются с ноги на ногу, не проявляя ни малейшего интереса к царящему вокруг волнению. Какой скакун достанется спортсмену — норовистый ковбойский или апатичный смирняга,— решится только сейчас. Ничто и никто не в состоянии облегчить пятиборцу знакомство с четвероногим соавтором будущего успеха или поражения.

Даже кличка лошади не всегда ориентирует правильно, ведь ипподромные святцы, как, впрочем, и церковные, удивительно обманчивы. Гладиатор может оказаться куда более робким, чем Трус (и такие клички бывают), а Топаз — менее ценен, чем Гранит. И обнаружится это забавно-печальное недоразумение лишь за пятнадцать минут до старта, когда пятиборцу разрешат наконец оседлать незнакомого скакуна и приступить к блицвыездке.

Однако устроители соревнований не ограничиваются одной головоломкой. Они имеют право блеснуть своей фантазией и выставить на дистанции конного кросса неизвестные доселе препятствия. Финны, например, однажды умудрились преградить путь всадников... баром. За стойкой этого увеселительного заведения сидели манекены, через которых и должны были перемахнуть конники. Лошади, знакомые с овсом, но никак не с пивными бутылками, как говорят спортсмены, «закидывались» перед этим препятствием и гуляли прямо по фужерам, кружкам и прочим атрибутам бара, отнимая у всадников драгоценные очки!

...Пять дней, пять поистине театральных перевоплощений. Зоркий глаз стрелка, стремительная реакция шпажиста, выносливость бегуна, находчивость и ловкость наездника, сила пловца. И все это цементирует железная воля человека, осмелившегося соединить в себе самом целую эстафетную команду, состоящую из пяти первоклассных спортсменов.

Таков современный пятиборец.

Но надо сказать, что за всей этой романтикой спортивной борьбы стоит трезвый арифметический расчет. Ведь в конечном итоге победа определяется максимальной суммой очков, завоеванных в каждом виде. И если пятиборец потерпел фиаско в конном кроссе, то это не значит, что он выбыл из борьбы. На фехтовальной дорожке, например, спортсмен может не только поправить свой баланс, но и отнять очки у противника.

Кстати, это очень важное правило натолкнуло тренеров на поиски новых путей к успеху. Но чаще всего судьба призовых мест решается в последнем виде — беге. Так было и на XVI Олимпийских играх, когда колоссальным напряжением воли советская команда, отстававшая от американцев, набрала в кроссе великолепные очки и стала героем олимпиады.

...Летом 1947 года советские пятиборцы собрались на свой учредительный съезд. Впрочем, пятиборцев как таковых у нас тогда

еще не существовало. Одни спортсмены были блестящими конниками, но понятия не имели, за какой конец держать шпагу, другие великолепно плавали, зато не ведали, откуда надо подходить к лошади, наконец, третьи, отличные стайеры, при стрельбе зажмуривали оба глаза.

А на Олимпийских играх в Хельсинки советские пятиборцы поразили всех, заняв пятое место. Прошло еще три года, и в Швейцарии прозвучало имя чемпиона мира по современному пятиборью Константина Сальникова. И пошло: победители Мельбурнской олимпиады, чемпионы мира 1957, 1958 годов... Современное пятиборье заговорило русским языком. Появилась и была признана абсолютно всеми советская школа пятиборья. Плавательно-беговой метод четырехкратного чемпиона мира Игоря Новикова не давал спать извечным фаворитам — венграм, шведам, финнам. И в конце концов они овладели советским методом. Силы сравнялись. Тем, кто хотел быть первым, предстояло сделать шаг вперед, по-новому решить вопрос о главном козыре современного пятиборья.

Сейчас, накануне Токийской олимпиады, все больше вырисовывается новый тип чемпиона в современном пятиборье. Им скорей всего будет тот спортсмен, который виртуозно владеет шпагой и лишь чуть уступает другим в остальных видах программы.

Не случайно советская команда пятиборцев, которая усиленно готовится к предстоящим стартам в Стране восходящего солнца, уделяет немало внимания д'артаньяновскому коньку. Игорь Новиков, победитель тропического мексиканского чемпионата мира 1962 года (состязания проходили при жаре 36 градусов), Эдуард Сдобников, призеры Спартакиады народов СССР Альберт Мокеев, Валерий Пичужкин и Виктор Минеев превращаются в заправских мушкетеров.

Правда, этой пятерке, сформированной с помощью математики и поправочных коэффициентов по результатам соревнований прошлого года, предстоит пройти еще одно сито: ведь в Токио поедут четыре спортсмена. Но очередной отсев обойдется без посредничества счетной машины. Все будет просто: кто окажется лучшим в двух крупнейших стартах сезона — первенстве СССР и международных соревнованиях с участием венгров, шведов, финнов,— тот олимпиец.

Но кто станет чемпионом Токийской олимпиады? Почти несомненно, что салютовать победителям будет Москва или Будапешт. Пожалуй, никто не сумеет приблизиться вплотную к советским и венгерским виртуозам современного пятиборья. И дело не только в том, что на берегах Дуная хранятся высшие награды Хельсинкской и Римской олимпиад, а набережные Москвы-реки встречали победителей олимпиады Мельбурнской. Старты нынешнего сезона вновь показали: расстановка олимпийских сил осталась прежней.

Поэтому многоопытные спортивные оракулы, которые неослабно трудятся над прогнозами, не рискуют дать однозначный ответ на вопрос о победителе XVIII Олимпийских игр по современному пятиборью. Очень уж равными выглядят силы.

Метет и метет, и гуд стоит в проводах, и в десяти метрах ничего толком не разобрать — знаешь, что стоит там куртинка вишенника, а за ней гараж, но вместо определенных предметов, их обличья и разноцветья проступают лишь серые пятна, дальше же и вовсе ничего не обозревается — край земли. С вечера позавчера как бы на хорошую погоду шло, закатное небо высветлилось в лимонную желтизну, по приметам, к безветрию, позже и молодой месяц обрисовался, но — все врут календари! — с утра будто запустили мельницу на всю округу: сперва струйками потекло со снежных гребешков и холмиков, потом как-то незаметно загустело все, смеркло, задымило от земли до неба. К обеду не только все дороги перехватило, а и протропы к домам перелизало, и первоклассники, возвращаясь из школы, и руками загребали и портфелями, пробиваясь до порога. Так и запечатало снегами округу, и второй день сидим мы с тридцатидвухлетним агрономом Анатолием Ивановичем Обдонским в районной гостинице — ветшающем деревянном домике с двумя номерами побольше, коек на пять, и одним маленьким, двухместным, сидим, ото всего отторженные, как на зимовье в Арктике. Ехать не на чем, потому что какой же шофер по такой дороге из гаража сунется, и даже с городом связи нет, будто где-то не то телефонные провода порвало, не то столбы повалило: линия слабенькая, старенькая, все собираются новую ставить, да никак не соберутся.

Завтракать и обедать мы ходим в столовую рядом, нагребая полные ботинки снегу, а в остальное время пробавляемся крепчайшим чаем из самовара, который весь день разогревает тетя Марина, заодно и директор гостиницы и уборщица — одна за всех. Чтобы убить время, я предложил Обдонскому играть в шахматы, но он не умеет; погоняв чаи, валится на койку, подложив под голову руки, и, выставившись глазами в побеленный, с трещинками уже потолок, вздыхает:

— Председатель из «Нового пути», ты знаешь его, хитрюга такой и прибедняла, обещал к концу месяца пятнадцать тысяч тонн торфа вывезти — поначалу упустил, а теперь подогнать думал. Вывезет теперь, держи карман шире! А меня критикой скрести будут, жиры вытапливать.

— Слушай,— взмаливаюсь я, — не можешь ты о чем-нибудь другом? Только и слышу второй день: навоз, торф, семена, удобрения.

— А мясо в столовой ешь.

— Я не только мясо ем, а еще и костюм ношу, но это не значит, что с утра до вечера должен о текстильной промышленности размышлять. Да на вздохах торф и не возят, а сделать ты ничего не можешь.

— Да уж тут что сделаешь!

— Странные вы люди,— не унимаюсь я, потому что делать же все равно нечего,— мотаетесь зимой и летом по районам, путную книжку почитать некогда, в кино бываете набегом. Когда домой мимоездом заглядываете, детки ваши, наверное, спрашивают у мам: «Это кто, папа или дядя?»

По правде сказать, о детках Обдонского я ровно ничего не знаю, даже того, есть ли они. Встречал я его редко, да и то по делам, когда для откровенности ни времени нет, ни охоты. А рассказывают о нем разное: например, что лет пять назад он, уже будучи агрономом, страстно увлекся историей и теорией искусства, просиживал за книгами до утра, таскал их с собой в командировки и даже опубликовал в газете две дельные статьи о театральных постановках. Года же два назад вдруг наотрез отказался не только писать, но и говорить на эту тему, насел на опытную станцию, написал диссертацию по сельскохозяйственным культурам, получил звание кандидата наук и теперь, говорят, на всех парах идет к докторскому. Поверить можно всему: лицо у него по-мужски красивое — рус и сероглаз, черты правильные,— но замкнутое, характер сложный, малообщительный: сунешься не ко времени с шуткой, а отойдешь с конфузом. Сейчас, однако, на мою шпильку о папе и дяде он отзывается спокойно:

— Специальность такая.

— Какая такая?

— Ну... Обыкновенная специальность, для меня, кстати, интересная. А о чужих детках в излишестве заботиться не стоит, как бы свои в оболтусы не заворотили.

И вздыхает.

И ветер за окном вздыхает, пыхтит, отдувается, швыряется в стекло мелким, сухим до перескрипа снежком. Хотя и длинен мартовский день, с весной в кумовьях, но сумерки приливают до времени, в их серой непролазности только и видится, что два пятна от уличных фонарей. И в трубе начинает подвывать, подскуливать, словно вьюга дневного света все же малость стеснялась, а теперь отпустила себя, дает полную волю. Перекусив бутербродами с колбасой, прихваченными в бумажные кульки из столовой, мы улеживаемся под одеялами, устраиваемся спать, но спанья не выходит: перебито на дневном придремье. И вот как будто бы ни к чему, безо всякого повода опять заводится на разговор Обдонский:

— А детей у меня нет.

Напоминает это один финский анекдот, в котором, как говорится, слова через час по чайной ложке. Брели поутру в лес два финна, утаптывали снег, да один и говорит: «Смотри, следы, как будто медведь прошел». На том разговор безответно и кончился. А когда, поработав целый день, возвращались назад и дошли до того места, другой финн ответил: «Пожалуй, и правда, медведь прошел!» Побеседовали, называется. Но Обдонский следующую фразу до утра не оставляет, а тут же и приплюсовывает:

— И жены тоже нет.

— Зарок, что ли, дан?

— Ну какой там зарок... Скорее невезучесть. Это ведь у кого как: один по горам лазает, и ничего, на двух ходит, а другой на ровном месте ногу ломает. Так я из хромающих... Была у меня лет шесть назад любовь, но такая шальная сложилась, что и доныне отхожу. Побывал я тогда и в шкуре Ромео, и Отелло, и даже Гамлета прихватил: «Быть или не быть?» Недолго и продолжалось все, а по душе как разлив прошел — и сверкало, и крутило, и мусору набивало. Глянул после в самого себя, а пейзаж не тот...

Видать, что хочется Обдонскому рассказать

ОВЬ

Я ШАЛЬНАЯ

свою историю, приоткрыть крышку и сбавить давление в самом себе, но и тягостно как будто малость и стеснительно, быть может. Но и я уже зацеплен ею, и, раскачивая понемногу, подталкивая вопросами от одного к другому, затягиваю его в конце концов на повествование, и слушаю внимательно, не поторапливая, молчаливо выдерживая паузы, когда он как бы проваливается в свои воспоминания. И вот течет эта его с длинными паузами повесть под шурханье снега и подвывание ветра в трубе, а тогда полыхал, поигрывал зарницами июль, обсеменяя росами поля и луга...

— Вышло так, что засиделись мы за полночь у одного директора техникума: человек он самовозгорающейся натуры, интересуется всем на свете, затянул нас на дискуссию по поводу маневров Вашингтона в латиноамериканских странах. Там ведь всегда чехарда была, ложатся спать при республике, просыпаются при военной диктатуре, так что иногда политика больше на детектив похожа, и поломать головы есть над чем. Мы и ломали и за спором не заметили, что, как бы топя звезды в дегте, наваливается гроза, а когда, шапку в охапку, выскочили, то уже гром вовсю колол дрова и по садам, завихряясь косыми потоками, порол обломный дождь. Я корреспондента областной газеты, моего попутчика,— на заднее сиденье, сам — за руль, и давай бог ноги. Дорогу уже как бы стирали коричневым мылом, от кювета до кювета пузырилась пена, и от кювета же и до кювета, вваливаясь по брюхо в лужи, елозил мой «Москвич». Корреспондент еще что-то бормотал, досказывая свои соображения о ближайшем латиноамериканском будущем, а я только и думал: вот вляпается сейчас машина в колею, станет, как лошадь с затинкой, и придется куковать до дневного света... и, может быть, лучше было бы, если бы так и случилось. Но тем не менее мы все ползли да ползли, оставили позади уже километра два проселка, перевалив холм, стали спускаться к большаку, как чуть ли не перед самым радиатором — в одной руке туфли, другая вскинута вверх, над головой с мокрыми волосами,— вынырнула девушка. На фоне обмытой, качавшейся под ветром, как водоросли в подводном царстве, картофельной ботвы факельно вспыхнуло ее тоже мокрое, в красную и белую горошинку платье. Дело ясное: бедует деваха под грозой, надо проявлять гуманизм. Наклонившись вправо от руля, открыл я дверцу, и, скользкая, как русалка, нырнула она на переднее сиденье, затащив с собой порыв мокрого ветра и штормовой накат брызг. Затем в зыбком полусвете блеснули сахарные зубы, прошелестел смешок:

— Спасибо... Не без добрых душ на свете!

Скосив глаза, чтобы рассмотреть ее получше, я тут же и отвернулся в смущении: отжимая подол, она беззастенчиво обнажила круглые, точеные, притягательно-грешные колени. Да и вся фигура ее, статная, с крепкой, скульптурно вылепившейся от мокрого платья грудью, как-то переворачивала все мысли, подстегивала их по дорожке разных фантазий и мечтаний. В конце концов она была действительно хороша, а мне всего-то стукнуло двадцать шесть, и монах из меня, если бы к тому и понуждать, вышел бы такой примерно, как из гусака истребитель. Между тем и корреспондент мой, слышу, завозился на заднем сиденье, начинает «информацию собирать»:

— Вы здешняя?
— Наполовину.
— В смысле того, что приезжая?
— В смысле того, что аборигенка, но уеду.
— Учиться или уже стипендию отрабатывать?
— Доучиваться.
— Где — не секрет?
— Долго объяснять.
— Имя у вас есть?
— С вечера было.
— И как звали вас вечером?
— Зина.
— Поздно гуляете, Зина!
— Вы тоже.
— Мы, положим, обсуждали одну серьезную проблему.
— И я.
— Именно?
— Влияние лунного света на колошение свеклы...
— Язык на граните науки точили?
— Нет, на каменных лбах.
— Такой не только до Киева доведет!
— А я и собираюсь дальше...

В самом деле, за словом в карман она не лазила. И голос был приятный, на бархатной подкладке, прямо так и затекает в душу и холодит, как вода в жаркий день. Она и пела, да и недурно, только это выяснилось уже впоследствии. А тогда, перекидываясь словами и задирая друг друга, на что она не обижалась, а даже, наоборот, подкидывала огонька, довезли мы ее до села Прилужье, километрах в семнадцати от города. Село небольшенькое, стоит при бойкой трассе с автобусным движением, но облика неказистого — из соломенных крыш едва вылезло на треть, улочки кривые и в плетнях, а возле них лопух и лопух. Так что и не очень верилось, что она тут живет: слишком уж бойка, слишком уж городского обличья. Теперь, шесть лет спустя, черт там и разберет — доярка идет по улице или столичная студентка, а тогда одного райкомовского работника за узкие брюки из партии исключить хотели. Хорошо, что этикетку и чек из ГУМа сохранил: у нас сделаны и проданы... Словом, не вязалась она с обликом села своего... И все же, подавая руку на прощание, полюбопытствовал я, что было бы, если бы через денек я заехал справиться о ее здоровье после нынешнего холодного душа в поле? И снова во всю полноту блеснула она своими сахарными зубами.

— А таблетки привезете?
— Судя по болезни.
— Тогда ириски захватите. «Золотой ключик»!
— Часов в шесть?
— Хоть в пять, хоть в восемь.
— Значит, в шесть.
— Ага... Только машину помойте, а то она у вас вроде калоши на валенке ленивого пенсионера...

Сделав длинную паузу, Обдонский, вероятно, усмехаясь про себя, спросил, как я понимаю любовь: догматически или диалектически?
— Это в каком же смысле?
— Скажем, любовь с первого взгляда.
— Кому как повезет.
— А если без уверток, бывает или нет?

— Не занимался теорией такого рода. Наверное, разрабатывают ее те, кому очень уж не везет, но открытий своих не публикуют, оставляют для личного пользования.

— Гм... Ну, а я теперь,— последнее слово он произнес с нажимом,— я теперь думаю, что понимаем мы любовь с первого взгляда примитивно, как дикари появление огня: с неба сошел... А в действительности что мы можем испытывать при встрече совершенно нового для нас человека — нового по облику, характеру, манере мыслить и говорить? Что угодно — интерес, любопытство, недоверие, настороженность, но никак не желание вручить ему свою душу и упасть к его ногам. Женщины в этом смысле не составляют исключения. И вдруг падаем! В чем дело? А в том, что под влиянием литературы, искусства, на основании жизненных наблюдений, наших представлений о красоте, склонностей характера мы долгие годы вырабатываем в себе некий идеал девушки или женщины, трудимся, как скульпторы и художники, воплощая его, быть может, в не совсем отчетливый, но зримый образ. И вот случай — и этот образ, созданный годами в сокрытии от постороннего взгляда, перед тобой. Фантазия, ставшая явью! И тогда с неба сходит огонь... Не очень путано у меня получается?

— Терпимо.

— Так вот, огонь сошел, молния ударила в меня. Но ведь туча, ее породившая, начиналась с идиллических вещей — душного воздуха, мерцающего по влажным лесам, тонкого тумана, встающего утром над зеркальной водой. Я же до этого читал современные романы и стихи, смотрел кинофильмы, а там как раз в героинях ходят красивые и разбитные, острые на язык, «современисто» одетые девчонки. Притом, как мне думается теперь — теперь, а не тогда! — происходит очень быстрое смазывание самобытного, национального. Итальянский неореализм подрезал у наших девчонок не только юбки и косы, французский кинобытовизм приучил не только ходить в обнимку на людях — в своей крайности он низвел искрометную человеческую и женскую глубину Анны Карениной до новомещанской вертлявости «чувихи». Соответственно перекосилось и наше, мужское, зрение. В одном юмористическом журнале председатель колхоза жаловался, что петухи у него среднерусские, но вместо «кукареку» упрямо поют «кукарачу»— очень похоже!.. Надо сказать, что заглядывался я на девчат и до того, еще когда был студентом, и целоваться случалось, не всерьез этак, с хиханьками-хаханьками, без замирания сердца, а по итальянско-французским образцам, и было это все вроде кори, болезни сугубо детской. А тут другое дело, тут...

Через день я приехал и те ириски прихватил, обегав предварительно три или четыре магазина, и приятеля моего корреспондента для перестраховки — выдуло из меня легкость, страшно показалось оставаться с глазу на глаз по первому свиданию. Домик у них небольшой, чистенький, с окнами на луг и крохотным садиком — пяток яблонь да смородина. Вся семья: мать, женщина в переломном возрасте, Зина и ее брат, колхозный тракторист. Отец не вернулся с войны, от него остался только размытый временем портрет в малоискусной самодельной рамочке. Когда мы вошли, Зина

читала журнал, не то «Театр», не то «Искусство кино», и, сразу же сунув его на этажерку, познакомила нас с матерью. Мне при этом показалось, что дружбы между ними маловато: мать бросила на дочку недобрый взгляд, с нами поздоровалась молча, кивнув головой — а это по сельским понятиям куда как нехорошо,— и ушла в сени, загремела ведрами. Но дочь на это как бы и внимания не обратила, спросила: что делать будем, мух считать или гулять пойдем?

— Если мух, то бить,— усмехнулся корреспондент.— И до победы. Хозяйству польза!

— А вам бы только победы?

— Во всяком случае, для поражения я и палец о палец не ударю.

— А если просто для удовольствия?

— Удовольствие тоже победа, над скукой.

Закончив эту словесную разминку, пошли в луга, побрели затравеневшей дорожкой по принципу «куда глаза глядят». Кое-где луг был скошен, от сена в рядах шел густой дух привянувшей травы, но еще много стояло ее и нетронутой, и она тоже добавляла от себя пряности и горьковатости. Разговор же вязался по пустякам, перебивался с погоды на пейзаж, с незабудок на космос. В одном месте попали на куртинку с клубникой, уже отходящей, перезревшей до черноты, поели немного, присели перекурить. Зина жевала травинку, поочередно оглядывала нас, призадумавшись, потом спросила:

— Вас считают хорошим газетчиком. Это трудно было?

— Не очень! — улыбнулся приятель.— Сорок тысяч километров дорог, в том числе по снегам, тысяча исписанных блокнотов. Ну, еще пар тридцать протертых штанов — только и всего.

— А если человек очень талантлив, от рождения предназначен своему делу?

— Человек от рождения предназначен ходить на двух ногах, а начинает с четверенек, потом топчется у сетки или вокруг стула. И сколько синяков носит!

— А по-моему, талант — это как праздничная ракета: взлетает сразу, разноцветно.

— Я предпочитаю баллистические ракеты,— сказал корреспондент.— Взлетает тяжело, сразу даже и не заметно, что движется, а идет к цели за десятки тысяч километров.

— Вы рассудительности у дедушки учились, по заветам древних времен?

— Не успел, а следовало бы. Дедушка мой, видите ли, был для своего времени модником и мудрецом — он носил комиссарские галифе, а убит под Перекопом.

— Мертвым — гнить, живым — жить!

Я сразу почувствовал, что разговор слово за слово приобретает характер кулачного боя, но последняя фраза Зины, щелкнувшая, как выстрел, покоробила даже меня, создавая такое ощущение, будто я проглотил ягоду вместе с гусеницей. Что касается моего приятеля, то он несколько секунд молчал, остановив на полпути ко рту папиросу, затем медленно — очень медленно! — поднялся и коротко бросил мне:

— Пошли!

Я посмотрел на Зину. В ее синих с притемнением глазах была растерянность — очевидно, поняла свою оплошность,— но она ничего не сказала, только утвердительно кивнула мне: «Да». Молча и возвращались мы — он, она, а позади я. И только когда подошли к машине, она извинилась:

— Простите меня. Я не хотела задевать родственные чувства, имела в виду обобщение.

Он не обернулся и не ответил.

Мы уехали. Последствия же стычки были таковы: она в самый последний момент шепнула мне, притишив голос, чтобы я приезжал один, а он, издымив на размышления в пути две сигареты, посоветовал: «Держи ухо востро, телочка из тех, что бодают и телеграфный столб и собственную тень. А лучше бы поставить точку». Я не оправдывал Зину, нет, считал, что она допустила ошибку, но и слово «телочка» меня неприятно резануло: ну, умен, ну опытен, но для чего же так категорично судить? И решил, что действительно втроем нам по этой стежке не ходить: бока обобьем.

Дальше так повелось, что, кончив работу и наскоро пообедав в столовой, я уезжал к ней, и все шло своим чередом — в сумбурных разговорах и пересмешках, которые потом, хоть каблуком на горло встань, в точности не припомнить. Притом собеседника из меня хорошего никак не получалось: поскольку был влюблен до головокружения, то робел и путался перед ней, а того больше, за столом ли дома сидя, на холмике ли у речного обрыва, любил я молча смотреть на нее. Да и было на что! Волосы русые, с этаким небрежным зачесом, словно их только что ветер гладил, головка высокой, гордой посадки, брови вразлет, а из-под них смотрят синие с притемнением глаза, уверенно смотрят, ясно, а притом подмешан в них как бы и вызов кому-то, и лукавинка, и некоторое высокомерие, что ли: вот, мол, вы обо мне думайте, что хотите, а я все понимаю и до растворения в обыденности не опущусь! А если ко всему тому добавить белозубую улыбку, статность, легкость шага, то уж и вовсе ясно станет, что мне неизбежно было потерять голову. И я потерял ее и смотрел на Зину, как верующий на икону, когда не то чтобы о грешном поцелуе подумать, а и на колени бухнуть хочется, мольбу о даровании милости вознести.

Вечер на седьмой или восьмой она решила угостить меня чаем — у нас его пьют часто и со смаком,— но мать устало и раздраженно сказала, что намаялась за день в поле, собирать на стол не станет, к тому же электроплитка перегорела, а если кому чаевничать хочется, пусть кипятит на загнетке. Однако загнетка — дело канительное: и дрова надо тащить и лучину щепать — и Зина, посмотрев с усмешкой на мать, предложила мне посидеть в саду. Догорал закат, все вокруг заплывало красноватой темнотой, теплой и тревожащей. Я не стал садиться на скамейку, стоял, прислонившись спиной к яблоне, а она, чуть посидев, тоже встала, долго молча глядя на меня, и с минуту я видел на ее бровях красный отсвет, а в глубине глаз две карминовые точки. Потом как-то неожиданно красный небесный сполох угас под надвинувшимся облаком, и в ту же секунду я ощутил своими коленями ее горячие колени, грудью ее тугую, чуть подающуюся грудь, и губы мои заныли от поцелуя. Длился он долго, я уже начинал чувствовать себя, как пловец в омуте, когда она так же внезапно отстранилась и села на скамейку, вздохнула:

— Ну вот...

— Что?

— Ты этого хотел.

— Я тебя люблю.

— Знаю.

— С первой встречи.

— Знаю.

— И что же?

— Ничего.

— Совсем ничего?

— Нет, я тоже тебя люблю... по-своему.

Ах, какие соловьи пели в моей грудной клетке, когда я пустился в словоизлияния — стал ей рассказывать о себе, о своей службе, о том, что живу пока в маленькой комнатке, но через месяц или два должен получить отдельную квартирку... и прочее в том же роде. Блеснул, что называется, пониманием момента! Она же слушала, не перебивая, все смотрела и смотрела на меня — а может, и не на меня, может, и мимо, потому что стала подниматься луна, а в лунном свете все зыблется, плохо уясняется,— а когда я кончил, спросила, перейдя на «ты»:

— Стихи пишешь?

— Нет.

— Правильно делаешь. Банально получалось бы.

Помолчала, прошелестела вздохом:

— Знаешь что? Мы люди своего века, а не тургеневских времен. Зачем делать душераздирающую проблему из того, что просто? Рвать нервы, убивать время на фантазии? Приезжай ты завтра с утра пораньше, только не на машине, чтобы ей не торчать перед домом весь день, а на автобусе. Захвати бутылку вина, остальное я могу найти дома, и пойдем мы за реку, в лес. Попрощаемся до времени с летом, кто знает, что будет дальше? А жизнь есть жизнь, ее не консервировать нельзя: прокисает. Что будет потом — увидим потом. Только бы день погожий. Договорились?

— Хорошо.

— А теперь уезжай.

— Но ты мне не ответила.

— Какой ответ ты имеешь в виду?

— Ты слышала, о чем я говорил?

— Я слышала заурядное жизнеописание заурядного молодого специалиста. Правда, там был опереточный припев: «Будь моей маленькой женой»?

— Допустим.

— Не буду. Приедешь?

Она растрепала мне чуб, прижалась на мгновение, и я проглотил язык, так ничего и не выяснив. А выходило глупо, диковато: любовь на каких-то психологических минных полях, без перспектив. Но что поделать! Я же ее действительно любил и все надеялся — а ночь хоть и не длинна, да бессонна,— все надеялся, что как-нибудь и наладится, что раз уж мы будем целый день вместе, то и узнаем ближе друг друга, а во близости понимания и слова найдутся резонные, убедительные. Да и не дура же она в конце концов, начитанна и умом жива, понимает, что к чему. Правда, слыхивал я и о таких ее сверстницах, которые и полную близость с мужчиной ни во что не ставят — оправила платье и пошла, напевая модную песенку. Но это ведь в больших городах бывает, да и то вовсе не в порядке обычности, а она в селе вырастала, где нравы построже — тут все у всех на виду: нынче свихнулась, а назавтра пальцем в лицо бесстеснительно тычут... Да и чего это меня в мрачные мысли заносит, как машину в канаву, может, и она не спит, также сомнениями мучается? Человек ведь...

Поехал. И, наверное, ярчайшим праздником вошел бы этот воскресный день в мою жизнь, если бы... Ну, да это потом узнается... Бродили мы среди белокипенных березняков, где под ногами пружинит мягкий прошлогодний лист и ярко-зеленый мох, собирали цветы у медной стены едва ли не столетних сосен, вознесших высоко — по гладкому стволу и не долезть — свои мономашьи шапки. В одном месте долго, прижавшись друг к другу и затаившись, разглядывали почти красную белку, которая все верещала и верещала, словно бы скороговоркой рассказывая какую-то пустоватую лесную сплетню, а потом, качнувшись на конце ветки, стрельнула в загущения ельника. «Мы в сказке, да? — шептала Зина, и в глазах ее, как бы даже слегка поголубевших, текли искорки, и прижималась щекой к моей щеке, и ее волосы щекотали мой лоб.— На новой планете, да? Здесь живут только художники, только великие художники, которые с утра до вечера пишут гениальные полотна — каждое новое лучше!..» Так прошло часа три, и за все это время ни одним словом не упоминался вчерашний разговор, и, по моим соображениям, так получалось, что и она не хотела его помнить, потому что был он капризом, игрой взвинченных нервов. И все время она, Зина, была спокойна, ласкова, улыбчива, хотя и здесь, среди кипения зелени и птичьих высвистов, где обмягчается не только душа, а расслабляется в теплом томлении и каждый мускул, все так же высоко несла свою красивую головку. А когда солнце уже высоко стало, пробивая густую листву почти прямыми лучами, когда подошли мы к лесной речонке, резво плескавшей своими неизбывными водами по зализанному, не тронутому ничьей ногой песочку, все очень быстро стало сбиваться и путаться.

— Будем купаться? — спросила она.

— Почему бы и нет?

— Вода не холодна?

— Так лето же.

— Речка лесная, ключей много.

Я попробовал, разувшись и пробредя у бережка.

— Свежа, но хороша.

И зашел еще немного дальше, обмыл руки и плеснул на шею, обожженную солнцем. А когда обернулся, то так и застыл в смятении: она уже разделась, сбросила с себя все, кроме бюстгальтера, да и тот в ту же секунду полетел в траву, и стала лицом ко мне, белея улыбкой. Один мой приятель говорил, что совершенную фигуру женщины следует рассматривать, как произведение искусства; почему мы благоговейно созерцаем мраморную Венеру и не можем с тем же эстетическим чувством смотреть на живую красоту, розовую и теплую, с токами солнца в крови? Не знаю. Может, кому это и удавалось, но мне было не до искусства: я никогда в жизни при полном свете дня не видел обнаженной девушки, да еще такой красивой, и в растерянности уронил, как говорят, глаза в воду. А она, чувствуя, что я как бы деревенею и деревенею, позвала:

— Ну, что же ты? Иди, загорать будем.

Так и провели мы остаток дня тут, у булькающей по кустам и шелестящей по песку речонки, в окружении глухомани,— если нас кто и видел, так только белки да птицы,— провели, ничего в наших отношениях не уясняя, потому что при первой же моей попытке заговорить на эту тему она закрыла мне рот ладонью, пахнущей цветами и хвоей: «Молчи!» И только уже перед самым вечером, когда, усталые, присели мы отдохнуть недалеко от перевоза, она опустила — в первый раз опустила — голову, сказала тихо:

— Видишь, погнался за красивой девушкой, а нашел женщину.

— Но я...

— Не перебивай... Сейчас ты мне будешь прощать все — разве я не понимаю? Но для таких, как ты, людей все это не так просто: в твоей голове уже сидит тень третьего, вставшего между тобой и мной. И ты ее не выгонишь — не помогут тебе ни крест, ни марксизм... Да и не в том дело! Как сказала бы моя мать, мы с тобой в разные церкви на молитву ходим. Вот были мы с тобой в лесу, и мне казалось, что ничего прекраснее на свете нет, а теперь я опять вижу скуку и скуку. Скучное село, скучный луг, обыкновенный лес — много деревьев в одном месте... Так это еще летом, а зима придет? Вой, свист, снега и снега. Мысли, и то мерзнут. И ты своей специальностью приговорил себя к этому навсегда. А я не могу, не хочу!..

На секунду она остановилась, словно задохнулась, и вдруг ткнулась лицом в траву, заплакала. Я растерялся, не зная, что делать — я вообще никак не мог приспособиться к переходам ее настроений,— но она уже снова села, не вытирая мокрых щек, продолжала:

— Не верь мне, я говорю не то, что думаю... Я ведь выросла здесь, мне даже иногда кажется, что и речка эта не сама по себе течет, а течет она во мне, в сердце моем, что и леса там зеленеют и шумят, а умру я — и не будет ничего этого. Но так бывает временами, и в последний год все реже, потому что меня накрыла с головой другая волна. Как бы тебе объяснить? Еще когда училась я в школе, то во время каникул наезжала к тете в Москву. Тетка — чистюля и дура, дальше порога и базара не видит ничего, а дочка у нее, лет на пять постарше меня, современная, боевая. Познакомилась я через нее с некоторыми молодыми ребятами — смелые, рассуждают интересно, дерзко, какие стихи читают! Особенно интересен был один, с бакенбардами под Пушкина. «Мальчики,— говорил он, стоя с рюмкой в руке,— мальчики и девочки, можете ли вы своими глазами смотреть на жизнь, или, словно у котят, они еще не открылись у вас? Если открылись, глядите: наши предки скучны, у них планы, задания, служба, собрания. Так работали волы на крупорушке — круг, еще круг, пока из шкуры не сплетут нового кнута для нового вола. Мы не хотим быть волами, мы рвем постромки косности и ходим сами по себе — без указок сверху или сбоку. Выпьем за смелую мысль и новое искусство, которое излечит революцию от интеллектуального малокровия!..» Ну, не скажу, что я все понимала, провинциалка же, да и говорилось в таком тоне, что хочешь — всерьез принимай, хочешь — в шутку, но после этого все тут у нас стало для меня в серый цвет выцвечиваться. Главное же — все признавали мою внешность артистической и советовали идти на сцену или в кино. И я поверила в себя! Но поступить мне удалось только в наш педагогический институт — а это же рядом с домом почти,— и тут я поняла, что такая дорога не для меня. Топтаться всю жизнь у парты, вытирать носы?..

И снова замолчала она, посмотрела на меня — с грустью, мне показалось, посмотрела, с тревогой. Может быть, ждала возражений? Но что я мог сказать? Говорят, на фронте бывает контузия: и жив человек, а внутри все обвалилось, подавлено, ни слова молвить, ни шагу ступить — шатает. Зашаталось все, скомкалось и во мне: как ни молод я был, а все-таки понимал, что все просьбы и уговоры будут бесполезны, бесполезных же вещей я делать не люблю. Не дождавшись моего ответа и, может быть, даже обидевшись, она спросила:

— Ты видел меня в костюме Евы. Ведь я красивая?

— Да.

— Это — главное. Остальное приложится!

— Не знаю.

— Ты сомневаешься в моих силах?

— Я не знаю, как приходят в искусство.

— Напролом! Не оглядываясь ни назад, ни по сторонам. В следующую субботу я уезжаю в Москву, навсегда. Ты не выберешься, чтобы проводить меня? В понедельник вернешься. До этого больше встречаться не будем. Я уже сказала, что ты не из новых, но есть в тебе какая-то сила, которая может мне стать помехой... А теперь пошли...

Обдонский умолк, поскрежетал металлической сеткой кровати, встал, оглядывая на просвет,— а за окном хоть и стояла ночь, но было белесовато от снега, который все крутился, валил и валил,— налил стакан остывшего чаю и выпил залпом. Я тоже повернулся, похлопал, будто оправляя ее, по тощей подушке — дал знать, что не сплю, ожидаю продолжения. Но он словно забыл, о чем шла речь, заворчал на метелицу:

— Кидает и кидает, как дурная.

— Да тебе-то чего?

— И так много снегу.

— Снежна зима — полны закрома.

— Не скажи. Есть годовая норма осадков, зимой снегом выложится — летом дождя не выплачешь.

Потом он лег, полюбопытствовал:

— Конца ждешь?

— Жду.

— Собственно, это уже и было концом всего. В субботу, по уговору, я поехал ее провожать в Москву. И только тут, в поезде, я увидел ее такой, какой она, вероятно, была на самом деле,— дома, должно быть, она сдерживала себя ради матери и брата. У нее словно бы не было ни малейшего чувства стеснительности, естественно украшающей девушку

ее возраста, без всякого повода она заговаривала с любым человеком, откровенно кокетничала с пожилым генералом, который столь же откровенно забавлялся этими словопрениями скуки ради. А затем, стоя у открытого окна, стала напевать — сперва тихо, потом громче. И пела не только обычные модные песенки, что выводятся каждым репродуктором и любой сельской гармонью, но и арии из оперетт — видно, разучивала, готовилась. Вокруг нее столпились разновозрастные пассажиры, подбадривали, улыбались, аплодировали. «Компанейская девка,— поделился своими наблюдениями генерал.— Артистка!» Он пригласил ее в купе, предложил коньяку; она выпила, а выпив, стала читать стихи, в которых по правде говоря, я тогда ничего не понял — ни музыкальности, ни смысла. Все будто автор бегал вокруг себя и никак не мог самого себя поймать за хвост... Но это не в счет, я для поэтов не судья, а было мне неприятно и беспокойно. Горько было... Не идет это красивой и умной девушке, удешевляет, обалаганивает как-то, что ли... Но я молчал — сжал зубы, собрал сердце в комок и молчал. Что же еще я мог? А перед вечером, когда мы остались на короткое время вдвоем в купе — дорога приходила к концу,— она взъерошила мне волосы, хлопнула рукой по плечу, с этаким панибратским оттенком, в соответствии со своим вагонным настроением, спросила:

— Ну?

— Что именно?

— Видишь, какая я?

— Вижу.

— Золотообрезная, да?

— Какая?

— Это мне один парень московский сказал... Книги такие бывают — дорогие, с золотым обрезом. Сила!..

И тут я разозлился — словно стал сползать с глаз моих зеленый колдовской туман, в который замотала меня моя любовь, как гусеницу в кокон. Нет, я не разлюбил ее тут же — чудес не бывает! — но сквозь ее обаяние вдруг проступило для меня нечто чуждое, даже враждебное.

— Книги продают и покупают,— сказал я сухо, как никогда до того не говорил.— Золотообрезные же еще и коллекционируют... Снобы...

— Ты понимаешь, что говоришь? — удивилась она.

— Я — да, ты — нет.

Остаток пути мы провели, глядя в окно — она по одну сторону столика, я — по другую. Говорить было не о чем. Но когда поезд уже начал тормозить, она сказала примирительно:

— Я, наверное, действительно чепуху сморозила... Ты прости. Знаешь, что я думаю? Ты очень хороший, ясный человек, наверное, в трудные минуты на таких мир держится, но...— Вздохнула: — Я много передумала за неделю. Иногда в полночь, когда так тоскливо и темно, мне начинало казаться, что я еще буду когда-нибудь плакать, вспоминая наше воскресенье в лесу. Но сейчас я вся там, в завтрашнем дне... Давай не ссориться, ладно?

В Москве я отвез ее к тетке, днем мы вместе побродили, посидели в ресторане, а вечером я уехал. И все же не было мне передышки и покоя: три и четыре раза на дню хоронил я наши отношения, таская свою любовь на погост, а она снова и снова без стука распахивала мою дверь, и качались надо мной вершины столетних сосен, и верещала, уносясь с ветки красная белка, и шелестела по своим зализанным пескам лесная речонка. А то вдруг, когда шумела по крышам гроза, начинало наплывать на меня в белую и красную горошинку платье, и залитое дождем милое лицо с высоко вскинутыми бровями, и сахарная улыбка: «Не без добрых душ на свете». Что ж, может, и она думает, отходит душой? И через три недели поспешил я с Киевского вокзала в Сокольники, к ее тетке. А тетка удивилась:

— Зина? Она уже вторую неделю не приходила!

Я спросил:

— Где же она?

Тетка долго жалась, но в снисхождении к земляку выдавила наконец адрес одного кинодеятеля. Когда я позвонил, мне открыл дверь человек лет сорока пяти — пятидесяти, небритый, усталый.

— А вы ей кто? — спросил он.

— Земляк, товарищ.

— Н-да-а,— задумался он.— Ситуация.

— Зина у вас?

— Была.

— Что значит была?

— То и значит — была... Я помогал ей тут, все устроил. Но уже два дня она не возвращается. Мне очень жаль, я действительно хотел, чтобы все хорошо...

— Где она?

— У меня есть только телефон. Можете записать. Мне она сказала, едет к подруге. Вранье. В окно я видел: в такси ее ждали два молодых человека...

Я не стал больше слушать. Мне показалось, что киноработник в самом деле был обескуражен и расстроен, но для чего было входить в подробности? Поблагодарив его, я ушел, а из ближайшего автомата позвонил. Вечером мы встретились возле Центрального телеграфа, причем она почти на час опоздала. Выглядела уставшей, немного похудевшей, заметно нервничала. Но начала бравадой:

— Я уже поступила!

— Поздравляю.

Пауза.

— Ты был у него?

— Был.

Пауза.

— Эта моя тетка всегда была дурой.

— А ты что, засекречена?

Пауза. Раздраженный взмах головой — убрана прядь волос со лба.

— Со временем из тебя выйдет волевой мужчина. Раньше ты так со мной не говорил.

— Ты не была такой.

— Нет, была!

Вздох. Десять секунд раздумья.

— Нет, такой не была... Но теперь это не имеет значения. Я хочу в театр, в кино, на эстраду любой ценой. Понимаешь? Победа все спишет, как на войне.

— Сама это открыла или напрокат взяла? Говорят, бывают такие пункты — можно пылесос взять, можно проигрыватель.

— А ты за это время не уяснил, что такое путь в искусство?

— Нет.

— Тогда расти капусту и картошку.

Вот когда я вспомнил луг, прогулку и моего приятеля корреспондента! Я оказался в его роли. И поступил так же — не спеша повернулся и пошел. Правда, мне при этом хотелось кричать, кого-то обвинять, плакать от жалости и ярости. Даже подумывал зайти в ресторан, оглушить сердце водкой, чтобы не скулило, не выло. Но удержался и, чтобы не испытывать дальше характера, поехал прямо на вокзал, сел в первый отходящий поезд, в бесплацкартный вагон, и всю ночь тупо смотрел на ноги входящих и выходящих пассажиров. И все при этом крутилось в голове: картошка, капуста, искусство... искусство, картошка... Однажды в детстве я играл на довольно крутом берегу реки, на обрыве — если смотреть на него со стороны, то у самого верха — виделась темная полоска дерна, потом гнезда береговых ласточек, а ниже глина и у самой подошвы — синий песок. Перед этим прошли сильные дожди. Я играл, попрыгивая на одной ноге, и вдруг, сам не зная почему, поехал вниз — небо перекосилось, кустарник на противоположном берегу подскочил к облаку, а затем удар, рот, забитый песком, и купанье в омутке. Оползень. Сейчас было то же самое...

По приезде домой я пошел в магазин и закупил все книги по искусству, какие только мог достать, и покупал их снова и снова, и читал — до красных и зеленых кругов в глазах. Три года! И даже написал несколько статей. Если бы тот разговор с ней был спустя три года!.. Впрочем, это фантазии. А она? Сведения о ней доходили ко мне скупо и отрывочно, да притом и все реже. В институт она устроилась, но в конце года ее исключили: связалась с какими-то подозрительными молодыми людьми, шалости которых кончились в суде, в общежитии не появлялась неделями, учебу запустила. Урезонить не удалось: уже сдали нервы. Позже работала на маленьких ролях в одном областном театре — все же нашлись добрые люди, устроили,— но не прижилась и там, перессорилась с коллективом, считая, что «старики» затирают ее талант. После этого она и вовсе пропала из виду. Однажды, проезжая через Прилужье, я зашел к ее матери узнать, нет ли каких сведений у нее. Мать, совсем осунувшаяся, закутанная в серый платок, встретила меня леденящей душу фразой:

— Зина? Кто такая? Не знаю.

— Но ведь это ваша дочь.

— У меня нет дочери.

— Но я же сам бывал у нее...

— Нету.

Я уже уходил, решив, что мать тронулась, но у порога обернулся, чтобы еще раз осмотреть хату, в которой мне все было так знакомо. Мать сидела на лавке и плакала, а заметив, что я смотрю на нее, стала кричать:

— Скоты, прощелыги... За то ее отец умирал на фронте, чтобы вы его дочку по такой жизни пустили? Коты шкодливые, сметанники...

Первым моим намерением было объяснить ей, что и как, но словно молния разодрала мою память, во всех деталях обнажив прошлое: я увидел полдень на берегу лесной речонки, прохладную шелестящую воду, себя, поднимающего взгляд от воды, и ее, Зину, обнаженную, зовущую. И холодные мурашки посыпались по спине: а что я сделал, чтобы остановить ее, пристыдить за легкость, с какой она пыталась катиться по жизни? Ничего я не сделал, а позвали — и пошел. Мужчина? Нет, баран на веревочке...

Ну, что же еще? В исходе третьего года я получил от нее письмо — первое и последнее. Сетования на людскую жестокость чередовались в нем с надеждами — все еще с надеждами! — а кончалось оно тяжело: «...если бы ты знал, как холодно, одиноко, пыльно на моей дороге. Но ты не пиши мне, от тебя я не хочу ни сочувствия, ни жалости, а если доведется быть в наших местах, пришли мне в конверте какой-нибудь цветок... Только цветок, ничего больше!» Я подумал, что она бедствует, и вслед за цветком — это была ромашка,— послал перевод. Но деньги возвратились — то ли она переменила адрес, то ли отказалась получать. Я заказал в бюро вырезок все о ней, но ни одной строчки из газет и журналов не получил. Еще примерно через год кто-то из общих знакомых сказал, что она на Дальнем Востоке, замужем за моряком, но решительно утверждать не мог. И вот в январе, около двух месяцев назад, я внезапно увидел ее на вокзале, у касс пригородных поездов; очень сильно похудевшая, увядшая, небрежно одетая, она шла, склонив голову. Я обогнал ее, встал на пути — она неизбежно должна была увидеть меня, хотя бы для того, чтобы не столкнуться. И она увидела, узнала: смятение, испуг, боль промелькнули в ее глазах, высоко, как прежде, взлетели брови. Но длилось это одно только мгновение, затем все померкло на ее лице, будто в окошке погасили свет, она снова склонила голову и... повернула назад.

Я остался на месте, зная, что все бесполезно...— Помолчав, Обдонский спросил:

— Почему я рассказал это?

И сам ответил:

— До самой последней встречи я, хотя и в затихании, все еще болел моей шальной любовью. И совесть грызла: пусть немного, самую малость, но получилось, что и я толкнул падающего. Теперь же, когда я знаю, что она хоть жива, пора подводить черту. Собираюсь и я кончать с холостячеством: есть там, в «Новом пути», зоотехничка одна, красивая такая кареглазка, улыбчивая и ровного, я бы сказал, обогревающего характера. Когда только подумаешь, что есть такие, становится хорошо на душе и уютнее на земле. Даже если метет такая дурная метель и ты сидишь, увязнув, словно муха в сметане...

Перемолчал немного — и:

— А жалко мне Зину.

И опять после паузы:

— Жалко.

И это было уже действительно все: через несколько минут с койки Анатолия Ивановича Обдонского донеслось ровное, тихое посапывание: мучался, мучался человек своим прошлым, отрывал его — и, видать, с болью отрывал,— да, наконец, измаялся, вплыл в сон. А в трубе все гудело и подвывало, и ветер швырял в окно сухой до перескрипа, мучнистый снежок, зализывал протропы к домам, перехватывал наметами дороги по округе, и получалось так, что и завтра не пойдут машины, не попасть нам в «Новый путь», где живет кареглазая невеста Обдонского, а председатель, хитрец и прибедняла, мается соображениями о том, как ему по такой погоде выкрутиться с вывозкой торфа.

В. Саксон (Ленинград). НАЧАЛО ОСЕНИ.

В. Косенков (Москва). УТРО.

В. Стожаров (Москва). ИТАЛИЯ, ВЕНЕЦИЯ.

Л. Дзадзамидзе (Тбилиси). ТОПОЛЯ.

ДМИТРИЙ ИЛЬИЧ

ДМИТРИЙ ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ В 1902 ГОДУ.

Ф. Н. ПЕТРОВ,
член КПСС с 1896 года, Герой Социалистического Труда

В августе этого года исполняется девяносто лет со дня рождения брата Ленина — Дмитрия Ильича Ульянова...

Мне эта знаменательная дата особенно дорога не только потому, что Дмитрий Ильич—один из зачинателей марксистской революционной партии России, но и потому, что в далекие годы подполья и революционной борьбы мне посчастливилось быть лично знакомым с этим замечательным человеком и работать бок о бок с ним.

Помню, как мы впервые встретились. Весной 1897 года я нелегально приехал из Киева в Москву. День выдался серенький. Моросило. Я был очень доволен такой погодой: завернувшись в плащ, закрыв лицо капюшоном, я мог, не привлекая ничьего внимания, без помех проскользнуть через проходную завода «Гужон».

Мне предстояло побывать на собрании заводского рабочего кружка.

Среди людей, тесно сидевших в небольшой комнатушке, в которой собрались кружковцы, я приметил одного незнакомого человека, невысокого роста, но крепкого, с чистым, открытым лицом.

Несколько раз он брал слово и выступал. В его словах звучала такая удивительная сила убеждения, такая твердая и всем понятная логика, что слушатели затаивали дыхание, когда он говорил, и становилось слышно, как о подоконник звонко стучит весенняя капель...

— Кто это?— шепотом спросил я у сидевшего рядом товарища.

— Дмитрий Ильич Ульянов,— также шепотом отозвался тот.

Дмитрий Ильич, несмотря на запреты полиции и строжайший надзор администрации, вел нелегальную работу в кружке на заводе «Гужон».

После собрания мы познакомились, разговорились. Конечно, как и полагалось двум марксистам в то трудное время, тема нашего разговора больше всего касалась подпольной работы, подготовки стачек, демонстраций, печатания и распространения листовок.

Говорили мы, однако, и о медицине: оба были студентами-медиками, хотя и учились в разных университетах.

На прощание Дмитрий Ильич крепко пожал мне руку.

— Свидания не назначаю,— сказал он, глядя мне прямо в глаза.— Но уверен: увидеться нам еще придется. И не раз!

Дмитрий Ильич оказался прав. Через три года мы вновь встретились, опять в Москве, на конспиративной квартире, весной 1900 года.

Встреча на этот раз была не случайной, а заранее условленной.

Время было напряженное. Шла острейшая борьба с экономистами, и нам, разумеется, не пришлось разговаривать о медицине, если не считать печального известия, о котором мне сообщил Дмитрий Ильич: его исключили из университета за революционную деятельность. Лишь в конце 1900 года ему удалось вновь поступить на пятый курс медицинского факультета в Дерпте.

Разговор этот запомнился. Меня поразили широта суждений Дмитрия Ильича, неожиданность и в то же время удивительная логика его обобщений, умение увидеть и раскрыть слабые места в доводах наших врагов.

Говорили мы долго, а когда кончили, Дмитрий Ильич передал мне приглашение прийти с ним на московскую квартиру Ульяновых, где в это время находился Ленин, вернувшийся из сибирской ссылки.

Никогда не забуду я этой первой встречи с Владимиром Ильичем. Я вышел от Ленина уверенный в скором торжестве нашего дела, готовый к борьбе, к политическим спорам с любыми противниками...

Беседа с Лениным, в которой самое живое участие принимал и Дмитрий Ильич, продолжалась долго. Владимир Ильич говорил о существе научного коммунизма Маркса, попутно разбивая доводы различных уклонистов, советовал, как вести агитацию и пропаганду среди рабочих, крестьян, солдат... Тут же я узнал об идее Ленина — приступить к изданию общерусской газеты за границей...

Вскоре эта идея воплотилась в жизнь. Начался выпуск «Искры», сыгравшей огромную роль в жизни нашей партии и в подготовке Второго съезда, на котором были приняты Устав и Программа РСДРП.

Дмитрий Ильич был одним из самых активных агентов «Искры» и принимал участие во Втором съезде. После съезда он переехал в Киев, где продолжал свою революционную деятельность в качестве агента «Искры».

В это время я виделся с Дмитрием Ильичем особенно часто. Кроме своей основной работы в военно-революционной организации, я продолжал вести кружок на «Арсенале» и принимал участие еще в одном студенческом кружке, в котором часто выступал Дмитрий Ильич.

Кроме того, нам нередко приходилось вместе обсуждать разные дела, связанные с изданием нелегальной литературы.

Сколько смелости, самоотверженности, изобретательности вкладывал он в наше революционное дело!

Конец этим встречам положила царская охранка. Первого января 1904 года Дмитрий Ильич и Анна Ильинична Ульяновы и вместе с ними большая группа других товарищей были арестованы и заключены в Лукьяновскую тюрьму в Киеве.

После освобождения Дмитрий Ильич вернулся в родной Симбирск, устроился там врачом и одновременно стал членом подпольного партийного комитета. Занимаясь опасными нелегальными делами, Дмитрий Ильич ни в какой мере не пренебрегал обязанностями врача.

— Но все, что делаем мы с вами и наши коллеги по профессии в области медицины,— это очень мало!— сказал мне как-то Дмитрий Ильич.— Для того, чтобы по-настоящему лечить людей, нужны коренные социальные изменения...

И всю свою жизнь Дмитрий Ильич страстно боролся за эти изменения.

Последние две встречи с Дмитрием Ильичем произошли в 1939 и в 1940 годах. Он был тяжело болен, и я приезжал навещать его.

Дмитрий Ильич был полон воспоминаний о Ленине, о котором оставил очень теплые, проникнутые любовью записки.

И вот мы отмечаем девяносто лет со дня его рождения... Со дня рождения скромного, стойкого, героического борца за счастье людей на земле, за коммунизм.

Книга дарит друзей

Я давно знаю и люблю повести Петра Сажина «Капитан Кирибеев» и «Трамонтана», его роман «Сирень». Но сейчас, собранные в одной книге, изданной «Советским писателем», они пришли ко мне вновь уже не поодиночке, а как бы дружной, единой семьей. Да, это в самом деле единая семья, потому что Петр Сажин в каждом произведении безраздельно предан главной теме своего творчества — теме мужества и верности долгу.

Мы всегда благодарны человеку, который приводит к нам в дом нового друга (нет, не просто знакомого, а именно друга!). И мы так же благодарны книге, которая дарит нам надежных товарищей, таких, к которым можно обратиться за советом, на крепкую руку которых можно опереться в трудную минуту. Я убежден, что многие читатели, как и я, захотят сказать спасибо однотомнику Петра Сажина: он подарит им, как и мне, новых единомышленников по труду, по творчеству, по борьбе!

Эти литературные герои, перешагнув книжные страницы и перестав, таким образом, быть только «литературными», запросто, душевно рассказывают нам о трудных, романтичных делах, увлекают своей мечтой, покоряют своим благородством.

И право же, нам, какая бы профессия у нас ни была, хочется отправиться по волнам Тихого океана вслед за Степаном Кирибеевым, отважным капитаном китобойного судна, чтобы вместе с ним вступить в опасную схватку со стихией и вместе с ним выйти из этой схватки победителями. Нам хочется побороться с чиновниками и бюрократами, выступить против всякой рутины и несправедливости рука об руку с азовским рыбаком-правдолюбом Александром Шматько, по прозвищу «Тримунтан» (это прозвище произошло от названия северо-восточного ветра «трамонтана», который, стремительно пронесшись над морем, всегда оставляет в подарок рыбакам ясную, солнечную погоду). Нам хочется помочь советскому танкисту Гаврилову и чешской девушке Либуше, пронесшим любовь и верность через жестокие трудности и испытания, вновь встретиться, чтобы больше уже не расставаться никогда...

И мы верим, что герои произведений Петра Сажина будут всегда рядом с нами, как и герои всех других по-настоящему хороших книг, которые стали для нас не просто литературными персонажами, а надежными товарищами и друзьями!..

Анатолий АЛЕКСИН

14 секунд до ВЗРЫВА

А. ГОЛИКОВ

Летчику - испытателю Юрию Александровичу Гарнаеву предстояла очень трудная работа: полет на вертолете с отстрелом лопастей несущего винта.

Испытывая в воздухе опытные образцы вертолетов, летчик почти лишен средств спасения. При аварии, покидая падающую машину, он может попасть под удары лопастей, и парашют ему уже ни к чему.

А что, если в основании лопастей несущего винта установить взрывной механизм? При аварии летчик приведет его в действие, смертоносные лопасти отстрелятся, и путь к спасению будет открыт.

Расчеты инженеров подтвердили правильность этой идеи. Но расчеты расчетами, а как все будет происходить на самом деле? На этот вопрос и должен был ответить в испытательном полете Гарнаев.

Он пилотирует все типы летательных аппаратов тяжелее воздуха, он испытывал в воздухе турболет — металлическую платформу на четырех ножках с реактивным двигателем, установленным вертикально.

...На аэродро́ме Гарнаева уже ждали инженеры. Они разрабатывали технику и методику испытаний и теперь заметно волновались.

— Все будет в порядке,— успокаивает их Гарнаев.

Он надевает парашют и поднимается в кабину вертолета. Машина эта уже отслужила свой срок, ей суждено подняться в воздух в последний раз. Вслед за Гарнаевым взлетает второй вертолет, с кинооператором на борту: весь опыт должен быть зафиксирован на кинопленке.

Юрий Александрович набирает высоту, поглядывает на «Ивана» (так в шутку зовут авиаторы пятипудовый манекен, который сидит на месте второго пилота). Он будет выбрасываться из падающего вертолета, а испытателю отводится роль подрывника. Подрывник поджигает бикфордов шнур и убегает в укрытие. Гарнаев должен пустить в действие взрывной механизм и тут же выброситься с парашютом. А потом уже сработает автоматика: полетят ракеты, предупреждая кинооператора о начале съемки, отлетят оторванные взрывом лопасти винта, мощный механизм выбросит манекен из кабины, и автомат откроет ему парашют.

Кажется, все просто. Но даже на земле у подрывника случаются непредвиденные вещи: подожжет шнур, а убежать не сможет, споткнется, подвернет ногу. Действует же он обычно не в одиночку, и к нему может прийти помощь. Испытателю в воздухе помощи ждать неоткуда.

...Нужная высота набрана. Вертолет с кинооператором занял положенное место. Пора! Вдруг контуры вертолета с кинооператором стали расплываться, словно смазываться. От Гарнаева его закрыло облако. Придется повременить. Идет минута, другая. Испытатель уже видит перед собой море с белой полоской прибоя возле прибрежных камней. Надо спешить: над морем эксперимент производить нельзя. Лопасти винта и сам вертолет пойдут на дно, а их должны исследовать ученые.

Наконец вертолет с кинооператором показывается из-за облака. Гарнаев сбрасывает аварийную дверь и приводит в действие подрывной механизм. Чтобы покинуть вертолет, в его распоряжении остается 14 секунд. Перед глазами на табло вспыхивает и гаснет огненное слово: «Взрыв! Взрыв! Взрыв!..» Красные блики сигнала мелькают на бесстрастном лице манекена. Гарнаеву кажется, что он усмехается.

Испытатель покидает кабину, открывает парашют и наблюдает за вертолетом. Автоматика работает безупречно. Разноцветными стрелами брызнули ракеты, пламя взрыва метнулось у втулки несущего винта, и лопасти точно обрубило. От падающего вертолета отделяется манекен, и над ним распахивается купол парашюта. Испытания прошли успешно.

* * *

Когда самолеты стали летать со сверхзвуковыми скоростями, конструкторам пришлось устанавливать в воздухозаборнике, подводящем воздушную струю к двигателю, специальное устройство в виде конуса, перемещение которого позволяло изменять проходное сечение заборника. Иначе при сверхзвуковых скоростях полета, без регулирования воздушной струи, наступали неприятные явления, грозившие остановкой двигателя. Устройство это действовало автоматически. Конечно, его действие было проверено на земле, в аэродинамических трубах. Но нужно было проверить соответствие данных испытаний в трубе с натурными летными испытаниями. Вот такой эксперимент и был поручен однажды Гарнаеву...

Полет подходил к концу. Вдруг

Впервые...

ПЕСНИ АМЕРИКИ

Этот снимок сделан во время выступления в Москве американского певца Леона Бибба, великолепного исполнителя негритянских народных песен, баллад, блюзов.

У себя на родине Леон Бибб выступает в студенческих аудиториях, клубах, по радио, принимает участие в музыкальных постановках. Он сам пишет слова некоторых песен. В манере исполнения Леон стремится приблизиться к настоящей народности.

Леон Бибб в Москве впервые. Все свободное от концертов время он ездил по городу вместе со своей женой и тремя детьми. И привет читателям «Огонька» он просил передать от них всех.

Л. ФЕДОРОВА
Фото Е. Умнова.

АМФОРЫ с морского дна

...Нас было семеро — спортсменов-подводников, увлекающихся археологией, да пятеро ученых. Экспедицию организовали Институт археологии АН СССР и Московский клуб подводного спорта «Дельфин». Мы в Евпатории. От нее до цели нашей экспедиции еще 35 километров. Именно там, в районе строительства судоотстойной базы на озере Донузлав, водолазы обнаружили... Но лучше все по порядку.

Произошло это в начале нынешнего года. Водолазы вышли в море, чтобы разыскать оставшиеся на дне якоря. Погода замечательная, полный штиль, на дне видно каждую песчинку. Вот стенка подводного канала. А рядом... Что это? Какие-то странные глиняные кувшины разбросаны по песку. Через минуту молодой водолаз Иван Мась бережно пода-

двигатель загремел так, что Гарнаеву показалось: разваливается самолет. Началась пульсация. Испытатель сделал все, чтобы ее прекратить, но тщетно... На приборной доске замигали и потухли сигнальные лампочки — это замкнулись проводники. У некоторых приборов отлетели стрелки. А потом наступила тишина. Двигатель остановился.

Похожий на ракету сверхзвуковой самолет с маленьким треугольным крылом не рассчитан на парящий полет. Он очень быстро теряет высоту, и посадить его без двигателя считалось почти невозможным.

Аэродром находился от Гарнаева километрах в шестидесяти. Но с 13 тысяч метров летчику он хорошо виден.

Собственно, при таких обстоятельствах испытатель вправе прибегнуть к парашюту. Но тогда причины аварии останутся невыясненными. Исследования придется проводить сначала.

Гарнаев радирует на командный пункт: «Иду на посадку». И, как всегда, когда решение принято, сразу успокаивается.

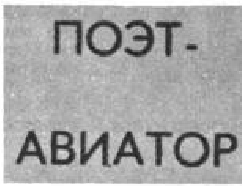
Главное — точно рассчитать, сохранить скорость самолета, сохранить запас кинетической энергии. Аэродром, до которого еще далеко, кажется совсем рядом. Гарнаев знает, что это обман зрения. Машина планирует, высоко задрав нос, и поэтому создается впечатление, что аэродром под крылом.

Но вот посадочная полоса (которая лежит глубоко под ним, словно на дне колодца) начинает уходить на нос, занимает свое обычное положение. Теперь-то уж он сядет!

Гарнаев выпускает шасси. Вот и полоса. Машина касается земли, и бетонные плиты серой лентой убегают назад. К месту посадки мчится пожарная машина и санитарный автомобиль. Когда они подъехали, Гарнаев уже успел вылезти на крыло...

В. А. Лебедев
и В. В. Каменский

ПОЭТ-АВИАТОР

О Василии Васильевиче Каменском в энциклопедии сказано так: «поэт, драматург, беллетрист». Но мало кому известно, что автор поэмы «Стенька Разин», друг Маяковского, был одним из первых русских летчиков. «Меня нестерпимо потянуло к крыльям аэроплана, да так потянуло, что лишился покоя и места на земле,— писал Каменский в своих воспоминаниях.— Захотелось приобщиться к величайшему открытию не на словах, а на деле. Что стихи, романы? Аэроплан — вот истинное достижение современности. Авиатор — вот человек, достойный высоты... Отныне петербургский аэродром стал местом моего вдохновения. И новые друзья, первые авиаторы: Ефимов, Васильев, Россинский, Уточкин, Лебедев».

Первые воздухоплаватели бились над тем, чтобы усовершенствовать конструкции воздушных аппаратов. Занимался этим и Каменский. В архиве поэта хранится письмо известного летчика Владимира Александровича Лебедева:

«Ваши модели, которыми вы занимаетесь, весьма интересны. Любопытно было бы испытать модель какой-нибудь новой формы, например, имеющую крылья, расположенные в форме треугольника, что, по-видимому, уменьшает лобовое сопротивление...» В письме есть рисунок. И что интересно: изображенный на нем аэроплан удивительно напоминает современный реактивный самолет: косо срезанные крылья, стремительные линии, обтекаемая форма. А ведь письмо датировано 26 декабря 1910 года!

В 1912 году во время полета над польским городом Ченстоховом самолет Каменского потерпел аварию. Газеты напечатали телеграммы: «Погиб знаменитый летчик и талантливый поэт В. Каменский». Однако Каменский остался жив. Спасло болото, в которое он упал с высоты. Оправившись от падения, Каменский уехал к себе на родину, в Пермь. И там весной 1913 года из обломков своего аэроплана сконструировал первый в России глиссер, названный «русским аэроходом». Каменский сам провел на Каме все испытания, показав невиданную по тем временам скорость.

Л. КАФАНОВА

ПАРАШЮТИЗМ ГЛАЗАМИ ПАРАШЮТИСТА

Фотографией я начал заниматься еще в школе, а когда стал парашютистом, мне захотелось документально и доходчиво показать романтику и трудности парашютизма. Мало кто знает, сколько нужно усилий, упорства и настойчивости, чтобы суметь занять в воздухе любое положение, выполнить любую фигуру своеобразного парашютного пилотажа в свободном падении или приземлиться точно в цель. Все это я и хотел отразить в фотографиях. Но прежде пришлось пройти большую тренировку, чтобы свободно владеть собой в воздухе. Иначе говоря, стать мастером парашютного спорта.

Часто снимки помогают спортсменам исправить ошибки, которые без фотографий даже нельзя заметить.

Снимал я фотоаппаратом «Ленинград», снабженным специальной пружиной для автоматической перемотки пленки и взвода затвора. С этим фотоаппаратом, смонтированным на каске защитного шлема, я прыгаю на задержки и снимаю в свободном падении других парашютистов. Случаются при этом и курьезы. Однажды, пойдя на «схождение» в свободном падении с другим спортсменом, мы так увлеклись съемкой, что забыли вовремя открыть парашюты и пролетели рядом лишних 5 секунд, потеряв 300 метров высоты.

Думаю, что в публикуемом снимке читатели смогут увидеть парашютный спорт глазами парашютиста и благодаря этому сумеют лучше понять покорителей воздушного океана.

Мастер парашютного спорта
Валентин ДАНИЛОВИЧ

Над крестом.

вал на борт катера глиняные сосуды. Восемь сосудов.

О находке сообщили в Москву. Эта весть и подняла нас в дорогу. Ведь только однажды, в 1905 году, русский инженер Л. Колли обнаружил на дне феодосийской бухты 15 больших античных сосудов. Но то в Феодосии, которая в античную эпоху была крупным портом на Черном море. Здесь же, в районе Донузлава, археологи не знали о существовании какого-либо поселения.

...Море бушевало. Бушевало оно и на второй день и на третий. Наконец, наш час настал, катер взял курс в открытое море. До берега — метров сто пятьдесят, глубина — метров пять.

Один за другим скрываются за бортом подводники. И вот белый буй, выпущенный со дна на поверхность Игорем Мазуровым, обозначил место расположения семи амфор. Конец путеводной нити в наших руках.

— Нам удалось выяснить,— говорит доктор искусствоведческих наук Владимир Дмитриевич Блаватский, руководитель экспедиции,— что в исследованном месте находится памятник античной эпохи. Все обнаруженные амфоры относятся к концу IV — началу III века до нашей эры. Они из одного города — Гераклеи, греческой колонии на южном берегу Черного моря, на месте нынешнего Эракли. Эти амфоры либо с затонувшего корабля, либо со склада, который затопило море, наступая на берег.

Сейчас ученые и подводники — уже новая экспедиция — продолжают работы на дне Черного моря, проводят подводные раскопки с отсосом грунта. Удалось найти бронзовые гвозди, свидетельствующие о том, что сосуды эти с затонувшего корабля. Геофизики из МГУ, помогающие археологам, утверждают, что толща песка на дне скрывает большое инородное тело. Теперь экспедиции предстоит пробиться сквозь эту толщу, и тогда тайна, которую столько лет хранит Черное море, будет раскрыта.

В. СТАШЕВСКИЙ

На снимке: клеймо амфоры. Отчетливо видна надпись «Эуопида» — имя владельца мастерской из города Гераклеи.

ЗМЕИ ПОКИДАЮТ БОЛОТА

Машина мчится час, второй, а по обочинам старинного тракта на Тобольск все та же картина: кустарниковые заросли, низкорослые березки, залитые по колено коричневой, как чай, водой. Лишь изредка болотистую низменность рассекают узкие полоски пашни.

Ученые подсчитали, что площадь Западно-Сибирских болот, перспективных для сельскохозяйственного освоения, составляет десятки миллионов гектаров.

Несколько лет назад пустили в ход канавокопатели. Прорыли траншеи, в частности на Алгинском болоте вблизи села Байкалово, Тюменской области. За лето болотную воду вытянуло в местную речку. Но уже на второй год траншеи заволокло илом...

Безуспешно пытались осушить Алгу. Недаром местные жители называют ее «Пастью лешего» и «Змеиным клубком».

И вот сейчас люди заговорили: на Алгинском болоте к сентябрю можно будет сеять!

С раннего утра над угрюмой Алгой, занимающей площадь около тысячи гектаров, плывет гул могучих болотных тракторов, лязг экскаваторных ковшей. В наступлении корчеватели, кусторезы. Это техника Байкаловской машинно-мелиоративной станции, организованной в середине прошлого года.

Байкаловцы решили выращивать на отвоеванных землях в основном овощи и кормовые культуры. Ведь Тюменская область — это край бурного развития нефтегазовой промышленности. И скоро здесь вырастут новые города и поселки. Не возить же молоко, овощи из Казахстана и с Волги!

...Горелое, Моховое, Заречное — так назывались болота, исчезнувшие за последний год с карты Тюменской области. Сейчас здесь создано девять ММС. Организуются еще две.

Ф. ЧУРСИН

↑ Владимир Могиленко — самый молодой рабочий Байкаловской ММС.
Фото В. Иванова.

У всех есть родственники

ВЕСЕЛЫЕ РАССКАЗЫ

Арк. ЭРИВАНСКИЙ

Человек не бывает абсолютно счастливым: у каждого есть родственники. У меня тоже.

Раньше я считал, что родственники годны лишь для того, чтобы приходить в гости или приезжать, что еще хуже. Они извлекали из меня выгоду обедами, ночлегами, завтраками. Брали и наличными.

Но начав изучать основы экономики, я посмотрел на родственников другими глазами и сразу увидел, что при научном подходе даже они могут приносить пользу. Тогда, не теряя времени, я и стал писать рассказы про своих родственников.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПРЕЗЕНТ

У меня есть дядя Кондрат. А у дяди Кондрата есть слабость: любит он быть в центре внимания. Может не обедать, даже не пить. А без центра не может.

Он и на свадьбы пристрастился ходить потому, что именно на этом мероприятии привлекает общее внимание. Ни молодость, ни красота не выдерживают конкуренции с ним. Пусть даже невеста похожа на модную киноактрису, смотреть будут все равно на моего дядю. Секрет он такой знает. Открыл его лет двадцать назад, когда подружился с одним директором подмосковной птицефабрики. И с тех пор действует без промаха.

Конечно, и помимо дяди Кондрата находятся желающие попасть в центр свадебного внимания. Одни нажимают на остроты, свои и чужие. Другие — на подарки. Изловчаются всячески. Приволокут для украшения гнездышка новобрачных пудовую скульптуру из чугуна, которая так и просится на гранитный пьедестал. А то жениху как охотнику-любителю притащат сапоги с подошвами толще бухгалтерского годового отчета. И дорогие вещи покупают и шуточные. Делают подарки с намеком: подносят, например, молодоженам резиновые соски.

А мой дядя за оригинальностью не гоняется. Его сувениры всегда одинаковы. Упаковывает он их в большой картонный ящик. На нем для отвода глаз пишет: «Осторожно! Стекло». Подарок его немудрящий. По деньгам намного дешевле охотничьих ботфорт. А внимание приковывает всегда.

Так было и на последней свадьбе, куда пригласили моего дядю.

Гости еще собирались. Прибывшие томились, разделившись на мужчин и женщин. Кто из мужской компании был посмелее или родством поближе, залетал на кухню перехватить маленькую. Остальные до поры пробавлялись табачным дымом. Ради праздника все накупили дорогих папирос и кашляли.

Наконец начали одаривать молодых. Из бумажных ворохов с шумом вынимали хрусталь. На диванах расставляли сервизы. И так, чтоб соусники и молочники выглядели повыгоднее. Звенели столовыми приборами. В общем, шла знакомая проза свадебного быта второй половины XX века.

Наступила очередь дяди. Глянули гости на его ящик и сразу потеряли интерес. А женихова тетка, несдержанная женщина, сказала громко:

— Господи! Пятый сервиз брачующимся волокут! И совсем нету у людей воображения!

А дядя помалкивает. Вскрывает ящик. Натренированными жестами вытягивает подарки. Неторопливо встряхивает их и подает невестиным родителям как приглашенный с их стороны.

Тут-то все и ахнули!

Одни к подаркам бросились. Щупают. Головами качают. Губами чмокают. Восклицают:

— Ну прямо как облако!

— Совершеннейший воздух!

А более практичные гости к дяде поспешили. Интересуются, где достал да как удалось, если не купишь таких вещей даже в магазине «Все для новобрачных».

За стол дядю усадили на самое почетное место. В царские времена его свадебный генерал занимал.

Молодым, конечно, кричали: «Горько!» Из песни слов не выкинешь. Смотрели же гости больше на моего дядю Кондрата. Даже пальцами друг другу показывали.

А одна красивая женщина сказала ему:

— Очень жаль, что я уже вышла замуж и сплю на подушке, набитой ватными отходами. Теперь мне не получить от вас такого восхитительного подарка.— Она заискивающе заглянула ему в глаза и тоскливо вздохнула.— А купить пуховые подушки так трудно!

Но мой дядя не реагировал ни на взгляд, ни на вздох. За двадцать свадебных лет он слишком притерпелся к ним. И стал дядя безразличен к женскому очарованию, как замордованный продавец дефицитных товаров.

ГРОМООТВОД

У моего двоюродного брата располагающая внешность. Женщины находят Леонида привлекательным. И не только когда от него зависит устройство их дел.

И все же он не ловелас, а также не донжуан. Его внутренний механизм состоит из значительного количества рыцарских деталей. Это у нас фамильное. Брат готов сопровождать каждую новую знакомую хоть на край города, умеет развлекать ее изысканной беседой, не замедляя шага. Напади на его спутницу хулиганы, он станет защищать ее совместно с постовым милиционером. Брат никогда дурно не использует женскую доверчивость. Больше того, сразу же исповедуется перед новой знакомой. Откровенно рассказывает ей, что женат, правда, неудачно, что у него есть дети, правда, не делающие его счастливым...

Некоторые называют этот приемчик подленькой игрой на жалость. Но брат не обращает на них внимания. Он знает, что тот, кто пользуется успехом у женщин, всегда имеет завистников.

Это так же верно, как и то, что большинство мужчин в метро и троллейбусах не считаются с тем, что находятся в женском обществе, и неучтиво углубляются в газеты или книги. Мой двоюродный брат так не поступает. И не потому, что близорук, а очки ему не идут. Наследственные признаки рыцарства и кавалерства не позволяют ему игнорировать прекрасный пол даже в момент перевозки городским транспортом. Поэтому брат с интересом человека, попавшего в прославленную картинную галерею, рассматривает живые портреты своих спутниц. Ответный взгляд или ободряющая улыбка действует на него, как испортившаяся сигнальная система кибернетической машины: запоминающее устройство Леонида срабатывает в обратную сторону, и он сразу забывает, на какой остановке ему надо было сойти.

Подыскать приличный повод для обмена первыми фразами при его многолетней практике ничего не стоит. Но не подумайте, будто он задает избитые, шаблонные вопросы: «Который час?», «Как пройти на Садовую улицу?». Заурядность и бесцветность ему претят. Он располагает набором более тонких и оригинальных отмычек.

Частенько такое знакомство кончается на автобусной остановке, рядом со станцией метро. Иногда оно только начинается возле цветочного киоска или в кафе. После первого же пирожного мой двоюродный брат без утайки рассказывает, что женат, но неудачно, что у него есть дети, но...

В пылу легких флиртов и связанных с ними приятных забот он не замечал, как проносились прожитые годы. Только разве прибавлялась седина, только набухали мешки под глазами, только морщились и отвисали щеки. А так больше ничего особенного не происходило. Что же касается лба, то он был чист, как у юноши: ни единой морщинки размышлений.

И мой двоюродный брат Леонид в свои сорок пять выглядел довольно сносно, а кроме того, импозантно.

В этом привлекательном виде и ехал он на днях в поезде метро, небрежно прислонившись к двери. Привычно скользил он прищуренным взглядом по женским лицам. Скользил, скользил и невольно, а может быть, вольно засмотрелся на двух миловидных, оживленно болтавших подруг.

И вдруг, о удача! Они обе взглянули на него. Сначала одна. И тут же вторая.

Мой двоюродный брат тотчас принялся стыдливо рассматривать свои щегольские туфли. Уж он-то знал, что смущение мужчины в подобных случаях подстегивающе действует на молодых женщин. Не откладывая дела в долгий ящик, они проверяют неотразимость своего взгляда. И дело либо начинается цветочным киоском, либо кончается автобусной остановкой.

С лихорадочной поспешностью соображал мой двоюродный брат, за какой из них лучше поволочиться. Одна была очень мила, хотя и другая была... Словом, решив отдаться на волю случая, он поднял глаза на подружек. Они опять увлеченно болтали. Брат прошелся взглядом по вагону в одну сторону. Прошелся в другую. А девушки держались за руки, смотрели друг на друга и все говорили. Он еще раз прогулялся глазами по вагону и вернулся к подружкам. А они... говорили, говорили, говорили!

Тогда мой двоюродный брат применил прием, называемый им «операция удав». Он уперся в девушек взглядом, как это делает начинающий следователь со своим собеседником.

Уже через минуту результат гипноза сказался. Обе они посмотрели на брата и смущенно улыбнулись. Должно быть, они ожидали, что он не выдержит их взгляда. Но не тут-то было. «Операция удав» продолжалась. Брат пронзал подружек пристальным взором: одну правым глазом, другую — левым. И гипнотическая сила сделала свое дело. Она парализовала волю обеих жертв. Девушки, как завороженные, разом встали и разом шагнули в сторону «удава».

«Удав» победно хмыкнул.

Одна из девушек застенчиво сказала:

— Простите, но мы сразу как-то не догадались... Садитесь, пожалуйста. А мы постоим. Мы-то молодые!

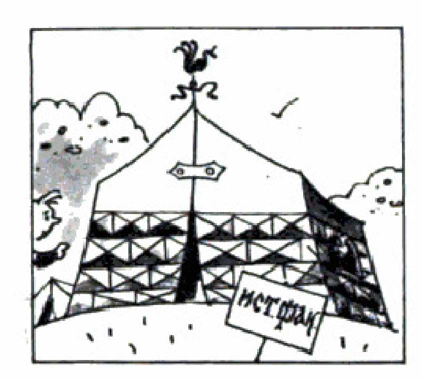
С тех пор мой двоюродный брат, войдя в вагон метро, сразу же разворачивает газету. На случай, если не окажется газеты, он носит в портфеле книжку «Календарь для домохозяек». Это в некотором роде заменяет ему женское общество. Заучивая рецепты кексов, он исподтишка поглядывает на других пожилых мужчин, уткнувшихся в газеты, и думает: «Значит, и с вами, друзья, случилось что-нибудь подобное!»

Эта утешительная мысль служит ему громоотводом.

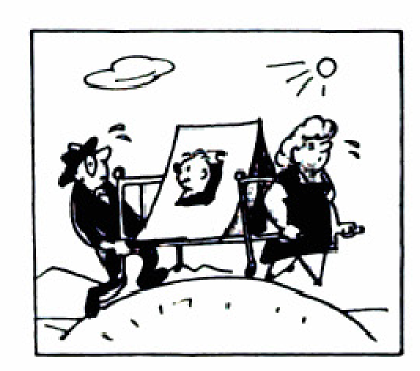

ВОКРУГ ПАЛАТКИ

Рисунки К. Невлера и М. Ушаца.

Грановитая палатка.

Сынок в поход собрался...

Ума — палатка.

По привычке.

Мина на съемке

...Весь день съемочная группа фильма «Капитан Нулль» провела, как обычно, в море. «Съемочную площадку», траулер СРТ-9111, надо, как говорится, обыграть и заодно привыкнуть по-свойски обходиться с тралом, чтобы, глядя на экран, не покатывались со смеху латвийские рыбаки, о которых расскажет новый фильм Рижской киностудии.

Солнце садилось. Съемочный день кончался. Оставалось только выбрать трал, который для тренировки опустила команда вместе с актерами часа полтора назад.

Но, к общему удивлению, правое крыло трала не шло.

Капитан Геннадий Иванович Лисин, не старый, но опытный моряк, напряженно всматривался с мостика в воду за правым бортом.

— Стоп, трал!! — резко раздалась команда.

В нескольких метрах от борта опутанное сетью трала колыхалось на волне черное, круглое...

— Мина!

— Опустить трал! — спокойно, как на тренировочном спуске, произнес капитан.

Никакой суеты, растерянности, паники. Четко работает машинист лебедки.

Теперь мина покачивается в трале, метрах в восьми под днищем судна.

— Все наверх! Шлюпки на воду. Радист, сообщить о мине пограничникам.

До берега, где виднеется рыбацкий поселок, около полутора миль. А море, как говорится, свежеет — волна что-нибудь баллов пять. Первым прыгает в шлюпку герой будущего фильма заслуженный артист Латвийской ССР Эдуард Павулс, потомственный моряк. Он при-

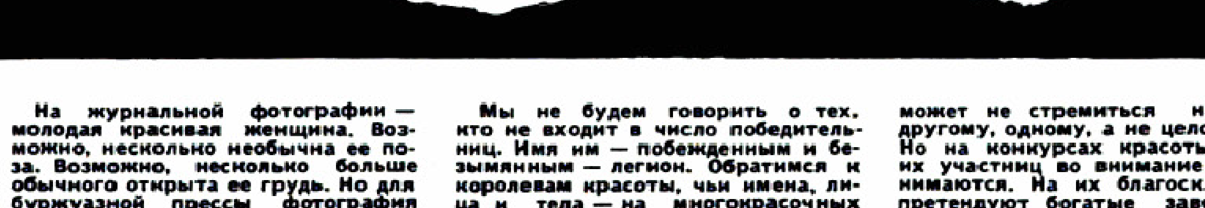

нимает в нее женщин и прыгающих с борта товарищей.

Все ближе берег. И вдруг первая шлюпка едва не переворачивается: натолкнулась на камень. И опять Эдуард Павулс первым прыгает в воду и, по пояс в воде, осторожно ведет шлюпку между камнями. От берега спешат к нему рыбаки. С их помощью шлюпка благополучно преодолевает опасную зону.

Тем временем к траулеру подошел пограничный катер. Мину опустили на дно. Место обозначили буем, и траулер пошел в Ригу. А актеры и моряки остались в поселке обсушиться и отдохнуть. Тут их ждало неожиданное развлечение: в клубе показывали фильм «Укротители велосипедов», где героем был все тот же Эдуард Павулс!

Н. ГЕНИНА,
В. ДЕМИДОВ
Фото Н. Нансона

На журнальной фотографии — молодая красивая женщина. Возможно, несколько необычна ее поза. Возможно, несколько больше обычного открыта ее грудь. Но для буржуазной прессы фотография эта — самая рядовая. Сотни журналов печатают ежедневно тысячи изображений полуобнаженных, а то и на 99 процентов обнаженных женщин. Подобные фотографии — главный козырь в борьбе за тираж издания и главный прием рекламы всевозможных товаров — от купальных костюмов и сигарет до автомашин. Вначале читатель обращает внимание на эффектную женщину, а затем замечает, что у нее в руках сигареты «Кемэл» или что она облокотилась о радиатор «кадиллака».

С особым шиком пресса подает женские прелести, когда описывает традиционные конкурсы красоты. На таких состязаниях определяется королева красоты университета или концерна, местечка или города, штата или страны, континента или всего мира.

Конкурсы красоты не просто остренькое развлечение пресыщенных богатых бездельников, но прежде всего большой современный бизнес, жестокий и беспощадный, как и любой другой вид бизнеса. Победительницы крупных конкурсов, единицы из сотен претенденток, получают по нескольку тысяч долларов, а устроители загребают при этом во много раз больше.

На этих конкурсах всех претенденток, словно рабынь на торгах или породистых лошадей, «судьи» ощупывают руками и глазами, обмеривают и взвешивают, изучают стать и походку, оценивают цвет глаз, шелковистость волос, тембр голоса и т. п. Пытаются оценивать даже интеллект, задавая глупейшие вопросы в ожидании остроумных ответов. Сия унизительная процедура отнюдь не врата в рай даже для победительниц — королев красоты.

Мы не будем говорить о тех, кто не входит в число победительниц. Имя им — побежденным и безымянным — легион. Обратимся к королевам красоты, чьи имена, лица и тела — на многокрасочных журнальных страницах. Перед вами, читатель, фотография одной из них, Ализии Гур, «мисс Израиль». Она была признана на конкурсе первой красавицей всей страны.

Но что это? Под ее изображением совсем необычная, совсем, казалось бы, не рекламная подпись: «Любовь — наш враг». Это ее слова. Королева красоты знает, что сказать по этому поводу.

«Множество девушек,— свидетельствует мисс Гур,— участвующих в конкурсах красоты, стремятся к любви и замужеству, потому что, по их мнению, это единственно надежная вещь в этом мире. Несчастье большинства королев красоты в том, что они всей душой желают полюбить кого-нибудь, но когда они вдруг встречают свою настоящую любовь, то убеждаются, что именно она и есть их величайший враг. Убеждаются потому, что любовь вырывает их из мира мишурного блеска и бумажных корон, в котором они живут».

Этот циничный «мир», о котором пишет мисс Гур, засасывает, как трясина. Королевы красоты окружены поклонением, которое сродни оскорблению; их обворожительные улыбки и прекрасные формы оцениваются только на доллары, фунты стерлингов, франки и марки. Они не принадлежат себе, они просто винтики бизнеса красоты, из них выкачивают все новые и новые прибыли, пока это возможно, пока они нравятся толпе.

А ведь казалось бы, что королева красоты и в личной жизни могла бы быть хоть немного королевой, хоть немного располагать собой. Казалось бы, например, что ей, юной и прекрасной, должно быть так естественно стремление полюбить достойного. Ее сердце не может не стремиться навстречу другому, одному, а не целой толпе. Но на конкурсах красоты сердца их участниц во внимание не принимаются. На их благосклонность претендуют богатые завсегдатаи, коллекционеры и ценители этих зрелищ. С закрытием очередного такого конкурса бизнес красоты не закрывается. Наоборот, идет форменная распродажа победительниц.

«Я вспоминаю,— пишет мисс Гур,— семерых девушек, которых встретила на Всемирном конкурсе красоты. Шесть из них вышли замуж за богатых людей и все потом развелись. Седьмая, обнаружив, что корона королевы красоты не открыла перед ней ожидаемого чудесного мира, выбросилась из окна отеля».

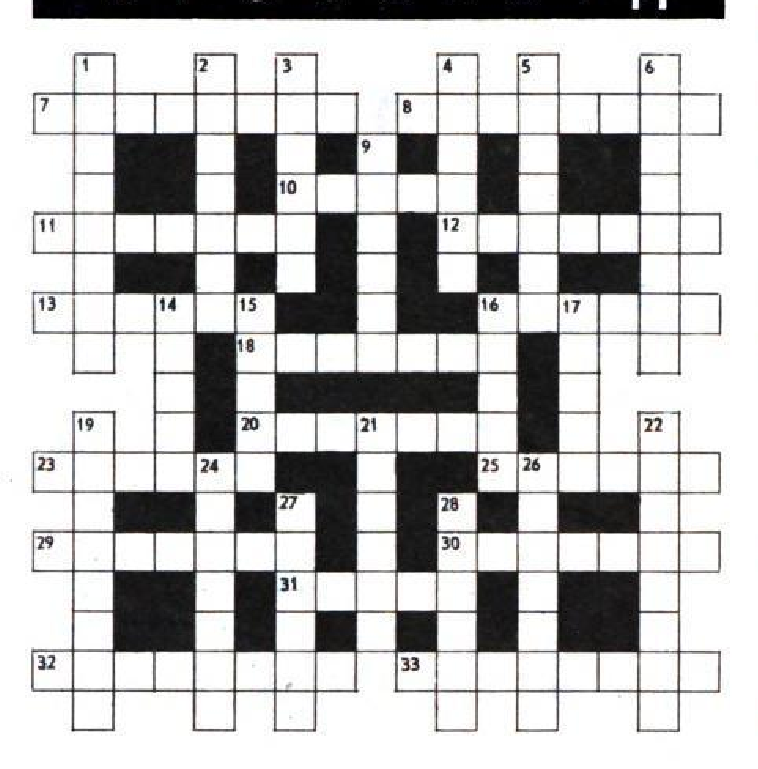
Сама мисс Гур в 1961 году вышла замуж за богатого бизнесмена Сабби Сегала и затем разошлась с ним.

Этот рассказ мисс Израиль опубликован в английском бульварном журнале «Тудэй». Издатели журнала, разумеется, не собирались и не собираются раскрывать подноготную бизнеса красоты. Ни в коем случае. Цель статьи — все тот же бизнес, реклама нового фильма «о войне королев красоты», в котором снимается Ализия Гур. Характерно само название фильма — «В джунглях красоты». Журнал, рекламируя одновременно и будущий фильм и бизнес красоты, завлекает своих юных читательниц:

«Мисс Гур, которой еще только двадцать два, добилась всего, что открыла перед ней корона королевы красоты. Она боролась — и выиграла, пробилась сквозь джунгли красоты к своему месту под солнцем».

Но на сей раз, вольно или невольно, мисс Гур рассказала коечто, пусть даже самую малость, не о рекламной мишуре, а о «джунглях красоты».

В. НИКОЛАЕВ

По горизонтали:

7. Музыкальное произведение для оркестра. 8. Прибор для проверки горизонтальности плоскостей. 10. Рыба со змеевидным телом. 11. Прерывистая линия. 12. Соревнование. 13. Казахский музыкальный инструмент. 16. Тригонометрическая функция. 18. Суждение, содержащее два исключающих друг друга положения. 20. Ветка для прививки или посадки. 23. Птица. 25. Огородное растение. 29. Курорт в Целинном крае. 30. Русский историк. 31. Единица веса. 32. Баллада В. А. Жуковского. 33. Постановщик спектакля или кинофильма.

По вертикали:

1. Излучатель звука в громкоговорителе. 2. Порода охотничьих собак. 3. Врач. 4. Рассказ А. П. Чехова. 5. Кондитерское изделие. 6. Картина Т. Г. Шевченко. 9. Город в Чехословакии. 14. Итальянский мыслитель XVI века. 15. Река в Якутской АССР. 16. Герой новгородской былины, гусляр и певец. 17. Остров в Ионическом море. 19. Актриса Малого театра. 21. Возвышенность между Волгой и Восточным Манычем. 22. Твердая обложка книги, тетради. 24. Литературный жанр. 26. Мазь для обуви. 27. Сетчатая оболочка глаза. 28. Бегун на длинные дистанции.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали:

3. Берлиоз. 4. Микрометр. 6. «Репка». 8. Фешин. 9. Ширма. 15. Витрина. 16. «Гроза». 17. Темпера. 18. Амазонка. 19. Аквариум. 20. Розетка. 22. Тропа. 23. Капуста. 24. Тумба. 25. Каюта. 26. Цукат. 28. Аккордеон. 29. Флагман.

По вертикали:

1. Петкер. 2. Комета. 4. Манила. 5. Радист. 7. Подосиновик. 8. Фармацевт. 10. Амплитуда. 11. Пифагор. 12. Ыгыатта. 13. Карагач. 14. Грамота. 21. Азбука. 23. «Красин». 26. Цоколь. 27. Трепак.

Забавные мелочи

РОЖДЕНИЕ МОРОЖЕНОГО

Впервые мороженое появилось на столе римского императора Нерона в 62 году нашей эры. Чтобы удивить своих гостей, Нерон приказал смешать сок разных плодов с медом и снегом и этой смесью наполнить кубки. Снег для мороженого был доставлен специальными гонцами с вершин Апеннинских гор.

ПЛАВУЧИЙ ГИГАНТ

Самый большой айсберг был замечен в феврале прошлого года севернее моря Росса (65° южной широты и 150° западной долготы). Размеры плавучей льдины: длина 145 километров, ширина 40 километров и высота 30 метров.

ИХ 800 ВИДОВ

На острове Мадагаскар к советским морякам подошел пожилой человек и посоветовал купить у него очень вкусное вяленое мясо. Когда его спросили, что это за мясо, он показал на сидящего в банке детеныша игуаны. Наши моряки привезли эту ящерицу к себе на родину.

Кроме Мальгашской республики, игуаны живут в Южной, Центральной Америке и в других тропических странах. Их около 800 видов. Мясо некоторых видов этих животных съедобно и даже считается целебным. Игуаны в основном живут в лесах, но некоторые любят водоемы.

О. РУМЯНЦЕВА

ОСЕДЛАЛИ БОЧКУ

На американском курорте Майами стали культивировать новый вид спорта — езду на пустой бочке, привязанной к моторной лодке.

СОВРЕМЕННЫЕ РЫЦАРИ

Эта сцена запечатлена в одном из замков графства Великобритании. Рыцари готовятся к турниру по всем правилам средневековых поединков.

ДРУГ ПУДЕЛЯ

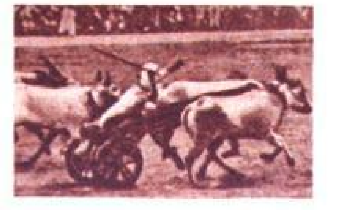
В Чикаго, в семье Смолак, живут два неразлучных друга — пудель и попугай. Собака и птица так привязаны друг к другу, что вместе едят и спят.

ИЗЛИШНЕЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

На берегу одной из рек во Флориде висит плакат «Не купаться». Но если бы даже и не было этой надписи, вряд ли бы кто-либо рискнул влезть в воду, где на отмели разлеглись десятки огромных, прожорливых аллигаторов.

СТАРИННЫЕ ГОНКИ

Во многих индийских селах и сейчас проводятся старинные состязания — гонки на двухколесных колясках, запряженных волами.

ПОДНОСЫ ВМЕСТО САНОК

В одном из колледжей штата Мэриленд (США) прошлой зимой из университетской столовой исчезло 4 тысячи подносов. Оказалось, что подносы похитили студенты, чтобы на них кататься с гор, как на санках.

ЧЕРНИЛЬНОЕ ОЗЕРО

Около алжирского города Сиди-бель-Аббеса находится удивительное озеро. Его водой можно писать на бумаге, подобно чернилам. Озеро питается двумя реками, одна из которых богата солями железа, а другая разложениями растительных и животных остатков. Воды этих рек, смешиваясь, образуют жидкость, похожую на чернила.

ДЫНЯ НА ДЕРЕВЕ

Самый распространенный фрукт в Сомали — папайя, плод дынного дерева.

Это деревце необычно для нас по своему внешнему виду. Оно заканчивается зонтиком из больших листьев на длинных черешках. Плоды его, покрытые довольно грубой несъедобной желтой или желтовато-зеленой кожей, висят не на ветвях, а на стволе.

Папайю в тропиках подают на десерт наравне с бананами. По своей форме и, пожалуй, по вкусу плод папайи напоминает нашу дыню.

Н. СУШКИНА, профессор МГУ.

Сомали.

Фото автора.

СПЕЦИАЛИСТ ПО НАРКОТИКАМ

Аида, миниатюрный пудель полиции Тель-Авива, безошибочно по запаху находит спрятанные наркотики. Почуяв запах гашиша, Аида начинает неудержимо вырываться из рук, а при запахе опиума — выть во весь голос. На недавней выставке собак в Тель-Авиве полицейский пудель был главной звездой. Аида мгновенно отыскала тщательно спрятанный наркотик. А затем, уже по собственной инициативе, устремилась в толпу зрителей и бросилась на одного из посетителей, в карманах которого при обыске полиция обнаружила следы гашиша.

В ТО ВРЕМЯ, КОГДА ИДЕТ ЗАЩИТА ДИПЛОМОВ...

МИНУТЫ, КОТОРЫЕ ОСТАЮТСЯ

Репортаж ведут:

Л. ОСИПОВА,
Г. КОПОСОВ

Кто-то верно заметил: человек запоминает в своей жизни не годы, а дни и минуты.

Вот о таких минутах и о людях, которые их пережили, нам хочется рассказать.

...Тихий московский переулок. И название хорошее, располагающее — Товарищеский. В самом конце его скрылся за зеленью деревьев Художественный институт имени Сурикова.

Раннее утро. Двери института еще на запоре, в коридорах и аудиториях непривычная тишина. Никаких примет приближающегося торжества. Но приоткрылась дверь мастерской, и оттуда доносится бравурная мелодия, кто-то напевает ее себе под нос. В мастерской, у громадного, почти

КОГДА ЖЕ ВЫЙДЕТ ПАПА?

во всю стену полотна стоит в трусиках весь перепачканный краской один из героев сегодняшнего дня — Равиль Ишмаметов. Старательно задвинута в угол раскладушка с тоненьким тюфячком, на единственном стуле аккуратно развешены парадные брюки и белая рубашка. Последняя тревожная ночь, проведенная у картины, позади. Художник пристально вглядывается в свою работу. Сумел ли он вдохнуть в нее жизнь? Еще до поступления в Суриковский институт Равиль побывал на Севере. И диплом его посвящен людям Севера, геологам. Два раза весной ездил он в тот край на этюды, эскизов привез — в мастерской не разместить. Сколько труда вложил! Но получилась ли картина?..

Тем временем день в институте уже начался. Из мастерских несут вниз, к актовому залу, полотна, которые сегодня будут защищать.

Вот темпераментно жестикулирует Карло Чикколи. Когда пять лет назад он приехал из Италии в Советский Союз, ему не нужно было выбирать вуз, Карло пошел в Суриковский. Русское искусство! О, это кладовая, из которой можно черпать и черпать! На стенах в актовом зале развешены эскизы декораций Карло к опере Римского-Корсакова «Золотой петушок». В них чувствуется влияние русской иконописи и лубка, стремление постигнуть дух сказки Пушкина.

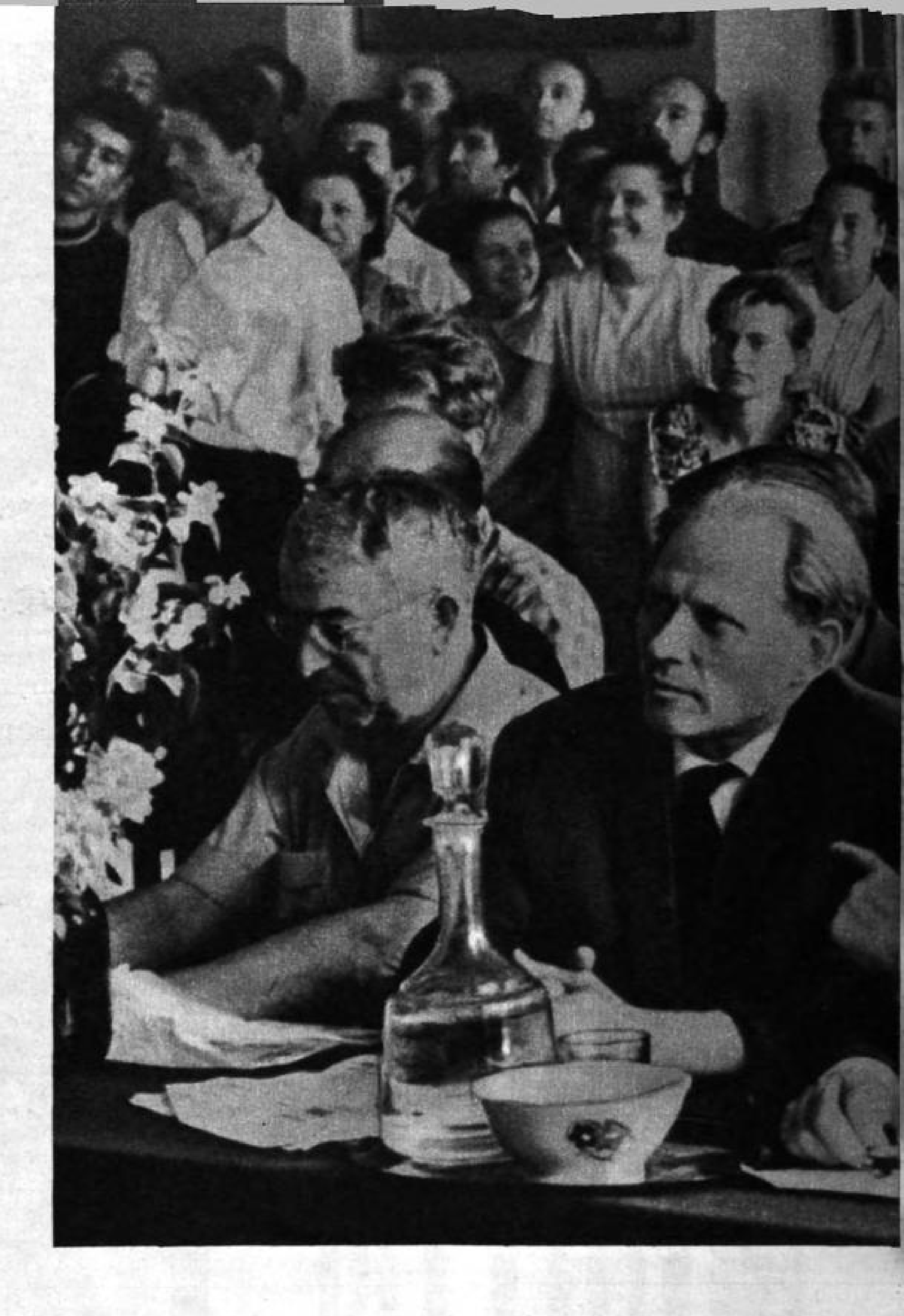
Этого крошечного болельщика студенты называют по фамилии — Ардимасова, потому что так называют и ее папу — Олега. Она смотрит вокруг большими удивленными глазами, и хоть мама сунула ей в руки большой букет, а папа суетится и без конца спрашивает ее мнение о своих картинках, где черным карандашом нарисованы рыбаки, сети, большая речка Амур и еще рыбаки, она никак не может взять в толк, что же такое происходит и почему из-за этого нужно так волноваться.

А вот и дипломная комиссия. Здесь ректор института Александр Васильевич Мызин, известные всей стране художники: М. Манизер, Ю. Непринцев, Б. Яковлев, О. Верейский, Д. Шмаринов, В. Рындин. Правда, не все они есть на нашем снимке. Защита графиков, скульпторов, живописцев проходит в различные дни, и состав комиссий различен.

Пока в актовый зал вносят очередные работы, ученый секретарь зачитывает личное дело, перечисляет все оценки за пять лет, вплоть до физкультуры. На лице дипломанта застывает выражение отрешенности... Именно в этот момент мы успели сфотографировать Инну Стебакову. На фоне эскизов витражей с могучими, исполненными порыва фигурами космонавтов она выглядела такой беспомощной. Правда, работы ее критиковались оппонентами довольно основательно. Но ученица способная, очень способная...

Как всегда во всех вузах, защита заканчивается традиционными словами дипломанта, который благодарит своих преподавателей.

А бывает и так. Встает профессор, тот самый требовательный, неумолимый Виктор Григорьевич Цыплаков, который не раз за шесть лет заставлял тебя покраснеть за плохо написанный кусок холста, за нерадивость или лень, встает и говорит спасибо — за талант твой, за хорошую твою картину. И обнимает уже не как ученика, а как товарища, собрата по искусству. Такую минуту не забудешь.

ПОЛУЧИЛОСЬ?

ПОЖАЛУЙ, ТЕРЕШКОВОЙ БЫЛО ЛЕГЧЕ.

СТРОГИЕ СУДЬИ ИЛИ УВЛЕЧЕННЫЕ ЗРИТЕЛИ?

ДИПЛОМ КАРЛО ЧИККОЛИ ПОСВЯЩЕН РУССКОЙ СКАЗКЕ.

ЭТУ МИНУТУ НЕ ЗАБУДЕШЬ.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. **Оформление Л. ШУМАНА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-10; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00735. Подписано к печати 12/VIII 1964 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 970 000. Изд. № 1378. Заказ № 2155.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 ко
Индекс 70663

